

Атма Ананда

**Сакральная Азия
Монолог о Себе**

Атма Ананда

**Сакральная Азия. Традиции
и сюжеты. Монолог о Себе.
На острове Бали (сборник)**

«Автор»

2010, 2014

Ананда А.

Сакральная Азия. Традиции и сюжеты. Монолог о Себе.
На острове Бали (сборник) / А. Ананда — «Автор», 2010,
2014

ISBN 978-1-547-07350-0

Сакральная Азия. Традиции и сюжеты повествует о путешествиях автора в 10 странах Юго-Восточной Азии: Индия, Непал, Шри-Ланка, Таиланд, Лаос, Камбоджа, Малайзия, Индонезия, Вьетнам, Китай. Монолог о Себе. На острове Бали посвящен исключительно 5-летнему периоду жизни и работы с погружением в традиционную культуру.

ISBN 978-1-547-07350-0

© Ананда А., 2010, 2014
© Автор, 2010, 2014

Содержание

Сакральная Азия. Традиции и сюжеты	6
Предисловие. Продвижение на Восток	6
Введение. Альтернативы пути	8
Индия-Непал-Тибет	9
Обыск на тибетской границе	9
Индия – Индокитай – Китай	12
Тайско-лаосская випассана	12
Руины кхмерской цивилизации	15
Вьетнамский дзэн в XX веке	17
Випассана и дзен: коннотации	20
Индия – Индонезия – Малайзия	23
Культурные сумерки на Суматре	23
Остров Пинанг как квинтэссенция	24
Псевдо-духовность на острове Бали	26
Балийский синкретизм на основе индуизма	26
Доминанты буддизма: випассана и ступа	27
Медитация – раджа и Рамана Махарши	28
Лучшие места для практики йоги в Убуде	29
«Чудесная тряска» в ашраме Рату Багуса	31
Триумф биоэнергетической медитации	32
Традиционный целитель от всех болезней	34
В кругу семьи и друзей целителя Мадэ	35
Тантра – жертвоприношение предкам	37
«Мастер воли» под маской «охранника»	38
Балийский гуруизм, или духовный туризм	40
Ритуал очищения в индуистских храмах	41
Паломничества на святыи горы	43
Традиционное боевое искусство	44
Безумные узники в балийском раю	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Атма Ананда
Сакральная Азия. Традиции и сюжеты.
Монолог о Себе. На острове Бали

© 2017 М.В.Николаева

Сакральная Азия. Традиции и сюжеты

*Запад есть Запад, Восток есть Восток
и с места они не сойдут,
пока не предстанут Небо с Землей
на страшный Господень Суд.*

*Но нет Востока, и Запада нет –
что племя, родина, род,
когда сильный с сильным лицом к лицу
у края земли встает?*

(Р. Киплинг)

Предисловие. Продвижение на Восток

Прожив в Индии в общей сложности пять лет, последние три года выезжая только за визами в Непал и Шри-Ланку, я существенно исчерпала для самой себя это пространство в смысле «вызова для осознания». Общение с учителями высокого уровня, многие из которых имели мировую известность, стало неким повседневным занятием, а личная практика джняна-йоги доведена до «духовного автоматизма», если такое сочетание уместно. Но здесь речь пойдет не о моих «личных достижениях», а о том более расширенном пространстве, в котором я провела еще два года после того, как покинула Индию. В мои планы входило вполне преднамеренно сосредоточиться на Индокитае, прежде чем я попаду в Китай. Центром поездок стал Таиланд, вокруг которого были описаны несколько кругов, охватывающие ближайшие страны: Индонезия – Малайзия – Камбоджа – Лаос – Вьетнам – Китай, с возвратом в Таиланд после каждого малого круга. Отчасти описывая свои приключения и встречи, неизбежные в длительном странствии, я сосредоточусь скорее на культурах, с которыми мне довелось взаимодействовать: буддизме тхеравады (випассана), махаяны (дзэн и тхиен), ваджраяны (карма-кагью) и даосизме (тайцзы). Слегка коснусь фрагментарных контактов с другими традициями: ислам, индуизм, христианство и племенные культы, хотя они послужат преимущественно в качестве «внешней рефлексии».

Всего в сферу моих личных исследований включено десять стран Азии. Это первая книга, которая написана ненамеренно: просто по пути создавались отдельные статьи о полученном опыте в каждой стране, и постепенно их накопилось достаточно, чтобы соединить воедино для описания охваченного региона в целом. В основном, это отчеты о личных путешествиях, хотя именно в них я получала общую информацию о культурах, изустно знакомилась с биографиями мастеров, встречалась с современными учителями и практиками. В итоге сюда включены все материалы: как описания собственного опыта, так и отвлеченные изложения моих познаний в традициях. Я старательно избегаю жанра «путеводителя», ибо туристов в этих странах и без того хватает, отчего восточная культура все более «размывается». Напротив, моя задача – выкристаллизовать Восток как он есть, несколько мне удалось сохранить его для самой себя, невзирая на победоносное шествие западной индустриализации. Восток, который сам не подделывается под Восток, пригодный на продажу западным туристам, а еще «живет своей жизнью».

* В конце текста приводится список моих более ранних публикаций, послуживших главами для данной книги.

Мария Николаева
Остров Бали, 2011

Введение. Альтернативы пути

Индия и Китай два «полюса» великих древних культур, между которыми заключено обширное пространство, которое по сути можно назвать «Индокитай» в общем смысле этого слова. Именно значительное отстояние Индии и Китая, их отделенность горами и морями, породила множество «альтернативных путей», связующих эти культуры, а соответственно, множество культурных вариаций, созданных по принципу синтеза тех или иных культурных влияний с обеих сторон. Можно сказать, что каждая из промежуточных стран «индокитайская», хотя каждая из них по-своему хранит и развивает двусторонние традиции, также в каждой из них можно провести своеобразную «границу» между индийским и китайским. Буддизм оказался в культурном плане самой всеобщей духовной основой для большинства социальных взаимодействий: миграций, завоеваний, преобразований... В определенной плоскости, можно утверждать, что всю основу культурного переплетения составляет история проникновения буддизма тхеравады из Индии и буддизма махаяны из Китая, предваряемого непосредственным вторжением индуизма из Индии и даосизма из Китая. Вот почему естественным образом мне пришлось сосредоточиться на випассане и дзэн – двух духовных практиках, позволяющих погрузиться на личном опыте в контекст культурных традиций тхеравады и махаяны.

Три индокитайские направления выделяются наиболее отчетливо, хотя в реальности я странствовала гораздо более «хаотично» в силу перемен сезонов (особенно дождей), визовых режимов, текущих событий (ураганов и землетрясений, войн и революций) и личных обстоятельств (наличия денег и связей с людьми). *Первое* – это собственно Индокитай в географическом смысле, куда входят Лаос, Вьетнам, Камбоджа и отчасти Таиланд. Первые три страны находились под колониальным влиянием французов, которые даже хотели объединить их в одну страну под названием Индокитай. Здесь я опосредованно коснусь также Бирмы, буддийские традиции которой проникли в Таиланд. *Второе* – Тибет как культурное единство, которое оказалось расколото на три страны: Ладакх в Индии, Непал и автономную провинцию Тибет в Китае. Хотя я посещала все три части в разные годы, здесь я постараюсь свести свои впечатления воедино. *Третье* – древний морской путь между Индией и Китаем, на котором расположены современные Шри-Ланка, Индонезия и Малайзия. Дело усложняется тем, что между выделенными направлениями тоже имеются связи.

Индия-Непал-Тибет

Индия завершилась для меня летом 2007, целиком проведенным в Лее – столица целого округа. *Ладакх* разительно отличается от всей остальной страны своей тибетской культурой. Он расположен на высоте 3500 метров, поэтому сюда удобнее всего добираться самолетом. Пустынные горы пересекает зеленая долина верховьев Инда, в которой находится множество поныне действующих монастырей. Крупнейший монастырь Хемис, основанный в XIII веке, насчитывает пятьсот монахов, и многие другие монастыри датируются приблизительно XII веком, производя впечатление не столько древности, сколько вечности. Как известно, в Ладакх ежегодно летом приезжает Далай Лама, и послушать его учение сходятся буддисты со всех окрестностей. Изоляция Ладакха начала нарушаться лишь в последнее время, что отнюдь не радует самих местных жителей. Так, монах Рэв Робдзанг из монастыря Сомкар в Лее посетил с лекциями множество стран, как европейских, так и азиатских, но решительно сожалеет о наплыве туристов в Ладакх. Лютые зимы (до – 40°) дают редкую возможность для уединения и практики не только коренным жителям. Обнаружив в Лее новый корейский храм, я узнала историю его создания: некий корейский монах построил его специально для того, чтобы прилетать туда на зимние месяцы для углубленного ретрита, что показательно.

Непал исторически служил более прямой связью Индии и Китая, нежели Индокитай, вот почему мне хотелось бы вернуться к воспоминаниям о своих трех гораздо более ранних поездках в Катманду, первая из которых была еще в 1996 году. Тогда я только получила буддийское прибежище от ламы Чокия Нима Ринпоче, известного в России благодаря Борису Гребенщикову. В Непале с большой очевидностью смешаны индийские и китайские влияния: с одной стороны, здесь отождествляют Будду и Шиву (особенно в Пашупатинатх Мандире), Авалокитешвару и Матсьендранатха, а с другой – в пантеоне прочно занимает место исходно китайская богиня Тара, имя которой я получила при прибежище (Долма Джангкху на тибетском). Отсюда она «снизошла» также в Индию. Передачу на нёндру (четыре предварительных практики) в карма-кагью (тантрическом тибетском буддизме ваджраяны) мне дал десять лет спустя Лама Фунцок, который становится известен в России благодаря Андрею Лаппе. Тогда я сразу же вылетела с индийской визой накануне непальской революции зимой 2006 года, превратившей королевство в республику, однако вернувшись годом позже в 2007 так и не заметила значительных перемен.

Обыск на тибетской границе

Тибет в составе Китая представляется совсем отдельной страной, да и административно имеет статус автономии. Мои наблюдения касаются тибетской культуры в провинциях Юннань и Сычуань, где она, по отзывам старожилов, сохранилась гораздо лучше, чем собственно в провинции Тибет, из-за политики китайских властей. Пропустив при первом посещении священную гору возле Дали, неожиданно я обнаружила в окрестностях Лиджана несколько крупных монастырей школы карма-кагью в традиции ваджраяны. Хотя принадлежность к данной школе для меня немаловажна, я никак не предполагала найти «живую» преемственность в Китае. Благодаря переводу на китайский практикующей американки Молли Рилей, мне довелось лично пообщаться с ваджра-мастером Гонгсангом Вангдуном в храме Жиюн, который служит также резиденцией верховному ламе школы карма-кагью во всем Китае. После визита в другой монастырь карма-кагью возле Лиджана, мое намерение посетить Тибет стало неудержимым. Проведя в Тибете более трех лет, Молли помогла составить маршрут по лучше всего сохранившимся тибетским городам, однако мне удалось посетить всего несколько из них, включая Шангрилу и Литанг. Затем мое путешествие было

внезапно прервано вторжением китайских войск, направшихся на подавление протеста в Лхасе. Отчасти мне довелось стать невольным свидетелем их противостояния.

Несмотря на раннюю весну, когда в высокогорье еще лежит снег, делая часть дорог совсем непроходимыми, я выехала из Лиджана прежде всего в Шангрилу – мистическую страну на границе трех провинций, за которую долго боролись Индия и Китай. И если сам старый город сохранял уклад малых китайских народностей, то раскинувшийся неподалеку монастырь (тоже школы карма-кагью) окружали уже традиционные тибетские поселения. Все казалось родным и узнаваемым. Долгая медитация в огромном каменном храме, погруженном в полумрак с мерцанием масляных лампад, нарушалась лишь порывами ветра через дверь с видом на белые горы. Последний раз зайдя в интернет, я заметила сообщение в новостях, что в Лхасе произошли беспорядки, что тогда показалось чем-то далеким и несущественным. Дивная дорога в Ксянченг посреди величественных гор, вечернее бдение в полуразвалинах небольшого монастыря, ночлег в уютной комнате в доме радушной тибетской семьи. И вдруг утром мне отказались продавать билет на автобус в Даоченг, где находились два монастыря школы карма-кагью, жестами показав, что меня там могут пристрелить.

Ничего не поделаешь, я списала это на активизацию разбойных банд, о которых меня предупреждали перед выездом, и решила направиться прямо на север в Литанг, расположенный на высоте 4200 м. И снова целый день прошел в созерцании ледяного блеска горных склонов. Литанг напоминал «мертвый город», но сначала я направились напрямик в монастырь на окраине. Как раз шла пуджа, сдабриваемая соленым чаем и постным хлебом, все монахи были в сборе, так что я попала на «будничное празднество», и все казалось возвышенным и безмятежным. Возвращаясь вечером в отель, я недоумевала на пустынные улицы и глухо запертые ворота домов – ни одного открытого магазина, почти нет прохожих на улицах и практически никаких звуков! Вот только перед каким-то мрачным зданием группа серьезных тибетцев с четками в руках, сосредоточенно бормочущих мантры. По счастью, в отеле оказался англоговорящий менеджер, и тогда я все поняла. Мне объяснили, что это поддержка протеста в Лхасе, поэтому оставаться здесь крайне опасно и лучше немедленно уезжать. Я решила не столько совсем уехать, сколько немного спуститься в другой старый город по дороге в противоположную сторону от Лхасы.

Нарисую карту в целом – путь из Литанга, монастырь в котором принадлежал школе гулу, наиболее широко распространенной в тибетском буддизме, «растраивался»: на запад шла дорога в Тибет, перед границей с которым находился город Дзогчен в долине Дзогчен, соответственно с монастырями школы дзогчен, наиболее радикальной школы тибетского буддизма в плане создания «алмазного тела», а не просто сознательного просветления и освобождения. На север или северо-восток шла дорога в Сэру, где в едином пространстве находились монастыри всех школ тибетского буддизма. На восток шла дорога в Ченгду – столицу Сычуаня, которая находится уже за пределами тибетских районов, однако на этом пути расположены Шьянченг и Кандинг, в которых еще представлены монастыри. Выбора не было, ибо автобус шел только в безопасную восточную сторону, и, решив, что ниже напряженность спадет, поначалу я взяла билет в Шьянченг. Но стоило выехать в шесть часов утра, как навстречу начала двигаться военная колонна с красными флагами (машины с прицепами), причем продолжалось это всю дорогу – часами! Я насчитала около сотни машин за полчаса и бросила – думаю, за восемь часов езды прошло не менее тысячи грузовиков, полных вооруженных солдат. Обстановка не разряжалась, и я продлила билет до Кандинга, а когда мы проезжали Шьянченг, оказалось, что там целая военная база: огромное поле сплошь уставлено машинами.

Кандинг – это самый последний город тибетского района, тоже с монастырем, но сильно перестроенный в современном китайском стиле, и традиционным его невозможно назвать. По приезде мне показалось, что все спокойно, и я взяла билет не на следующее утро,

а на другой день, но уже вечером об этом пожалела. Прямо под моими окнами опять часами пошли военные колонны, выглядевшие совершенно зловеще в свете фонарей на фоне серой улицы. Решила благоразумно никуда не соваться, а просто сидеть в отеле: проходят войска, завывают полицейские сирены и вопят в рупоры, у автобусной станции вместо толпы стоит военный наряд, хотя по видимости жизнь идет своим чередом, магазины и офисы работают. Я принялась это снимать «для истории» из окна третьего этажа. Все произошло внезапно: вдруг половина солдат отделилась от наряда и рванула от ворот станции через дорогу к подъезду моего дома. Не успела я сообразить, что это как-то связано со мной, а в дверь уже колотили. Мгновенная мысль, что если я не открою сразу, могут открыть стрельбу, побудила вместо удаления снимков моментально отпереть дверь. Сразу комнату заполонили солдаты с автоматами, и поскольку никто не говорил, да и не собирался говорить по-английски, первые пять минут казалось, что расстреляют без суда и следствия. Однако коль скоро я не оказала сопротивления, поставили автоматчика у двери, военных сменила полиция, тоже говорившая исключительно по-китайски.

Проверив камеру и обнаружив снимки, жестами велели собирать вещи. Прошло полчаса в ожидании на вещах, хозяйка-китаянка принесла всем чаю, полиция беседовала между собой уже по-домашнему, периодически обращаясь с вопросами, но понять друг друга мы не могли. Наконец, они оживились, дверь распахнулась снова, и на пороге появился «главный» в форме и с кинокамерой, который поначалу молча принялся снимать «место происшествия». Прибытие переводчика сразу разрядило ситуацию, особенно когда стало ясно мое российское гражданство. Но настояли на обыске, который провели досконально в течение пяти часов, снимая вещи и меня на видео, и даже мусор из ведра упаковали на экспертизу. Больше всего их напрягло наличие литературы школы карма-кагью, а также множество фотографий тибетских монастырей, однако понять принадлежность к школе было невозможно в силу множества материалов других традиций. Почти к полуночи все завершилось, главный велел удалить снимки военной техники и утром покинуть этот район, также посоветовав ради моей же безопасности ничего больше не снимать по пути. Переводчик извинился и по-товарищески пожал руку на прощание.

Индия – Индокитай – Китай

Таиланд известен туристам больше своими курортами, тогда как северный город Чиангмай славится тремя десятками буддийских храмов дивной красоты и оставляет незабываемое впечатление. Монахи в желтых одеяниях на улицах города составляют просто неотъемлемую часть будничной жизни. На вершине горы в окрестностях города находится великолепный храмовый комплекс XIV века Дои Сутхеп со священными реликвиями Будды. В бывшей столице Аюттхае сохранилось множество храмов XIV века без реставрации, хотя уже не действующие. Ват Ратчабурана был построен как царская усыпальница, где с верхней башни ведет лестница в подземелье, служившее мне прекрасным местом для медитации. Таиланд является второй страной после Бирмы, где до сих пор сохранилась культура длительной випассаны, когда в медитации сидят не только месяцами, но и годами. В Чиангмае випассану можно практиковать в Ват Рампоенге, а помимо храмов создано также немало медитативных центров, притягательных для иностранцев. Менее известны «лесные монастыри», в одном из которых у северной границы Таиланда под названием Там Вуа я побывала, а мой знакомый француз «отсидел» в лесу пять лет. Есть разработанная для випассаны тайская «йога скручивания», один из мастеров которой лично заверял меня в ее автотонности.

Лаос в качестве народной республики довольно лояльно относится к буддийской религии. В его столице Вьентьяне можно лицезреть разные сюжеты: в малом храме проходила заказная семейная пуджа, а самый крупнейший храм города превращен в музей, куда привозят на автобусе заслуженных работников фотографироваться на фоне Будды. Совсем другая картина в Луанг-Прабанге, расположенном в северных лаосских горах, где монахов на улицах не меньше, чем в Таиланде, а старый город почти наполовину состоит из храмов. Однако мне довелось наблюдать совсем уж забавную сцену в одном из храмов: покойника положили перед статуей Будды, вокруг расселись его близкие, но им было явно скучно, поэтому наискосок от Будды поставили телевизор, и все были сосредоточены экране, но явно соблюдая компромис между гражданской панихидой и обрядовым действием. Наибольшее же впечатление на меня произвела статуя Будды в одной из горных пещер в окрестностях Ванг-Вьенга. Вы входите в огромный грот, который невозможно сразу осветить тусклым фонарем, и вдруг свет выхватывает из мрака золотой великолепный Лик...

Тайско-лаосская випассана

Наиболее известная ныне система випассаны, введенная Гоенкой, широко распространилась во всем мире благодаря целой сети его центров. Большинство практикующих понимают под випассаной именно гоенковскую систему, хотя она представляет собой популяризованный вариант современной модификации випассаны, созданной его учителем – мирянином У Ба Кином на основании изучения множества медитационных техник. Традиционная випассана тхеравады сохранилась в Бирме, Таиланде, Шри-Ланке, но исчезает в Лаосе и Камбодже. Практически все развитые в монастырях школы випассаны имеют традиционную основу с современными разработками. Так, система У Ба Кина восходит к традиции «*Сатипаттханасутты*», однако он больше опирался на личный опыт, не слишком углубляясь в теорию и отчасти путаясь в палийской терминологии (по свидетельству Д. Корнфилда). Гоенковская випассана сведена исключительно к сидячей медитации с раннего утра до позднего вечера, поэтому обычно курс ограничен десятью днями. Неудивительно, что даже опытные практики часто выходят оттуда, буквально хромя. Но именно жесткость курсов, ставящая осознанное восприятие в экстремальные условия, позволяет использовать

все ресурсы осознания на полную мощность и приводит к сильнейшему медитативному опыту в кратчайшие сроки. Реально вовлекая внимание в границы ощущения личного тела, данный подход заставляет воспринимать собственную реальность с предельной ясностью и отчетливостью.

Традиционная практика рассчитана на размеренный уклад монастырской жизни, где на созерцание внутреннего пространства уходят годы и годы. Даже среди мирян распространен обычай принятия монашества на определенный период времени своей жизни, до сих пор сохранившийся в Бирме и Таиланде. В любом тайском храме вы увидите портрет молодого короля в монашеском одеянии, как пример для своих подданных. Традиционно принято, что Будда дал четыре позы для медитации: ходьба, стояние, сидение и лежание. Конечно, за два тысячелетия возникло множество различных школ, создавших свои техники медитации с акцентом на тех или иных положениях. В тайско-лаосской традиции лесных монастырей акцент делается преимущественно на випассане при ходьбе и сидении, хотя задействуются также и два другие положения, но обычно не столь продолжительное время. Пять ретритов в Таиланде в сравнении с моим ранним опытом в Индии, Непале и Шри-Ланке, а также с рассказами опытных практиков, бывавших в Бирме, позволяют мне создать представление о нынешнем состоянии классической традиции. Примечательно, что влияние на Таиланд и Лаос шло двумя путями – из Бирмы и Шри-Ланки, отчасти через Камбоджу. Здесь я опишу свой опыт в двух монастырях северного Таиланда – центре Тапотарам (Ват Рам Поенг) в Чианг-Маи и лесном монастыре Ват Там Вуа в горах возле бирманской границы. Они дадут пример обоих влияний: первый воспринял признанную бирманскую систему, а второй – тайско-лаосскую традицию (влияние Лаоса через Камбоджу из Шри-Ланки).

В монастыре Ват Рам Поенг, который имеет репутацию серьезного центра випассаны, преподается система Махаси Саядо. Будучи ученым монахом, он прекрасно владел пали и разбирался в писаниях, изучая практику випассаны у традиционного мастера. Махаси Саядо досталась в Бирме главная роль в сохранении буддизма: там открыли более ста центров, а затем система распространилась в Таиланд. Медитация практикуется одинаковое количество времени сидя и при ходьбе, что уже внешне отличает ее от гоенковской системы. Благодаря чередованию движения и неподвижности, круглосуточная практика не приводит к особому физическому напряжению, создавая все условия для работы непосредственно с осознанием. Именно разработанный строгий подход к внимательности отличает этот стиль. Практика включает три осознанных действия: внимательные простираения (сосредоточение на руках), внимательную ходьбу (сосредоточение на стопах) и внимательное сидение (сосредоточение на брюшном дыхании). Техника шага при ходьбе постепенно усложняется, а в сидячей медитации постепенно добавляются новые точки для концентрации. При индивидуальном подходе начинают с шести часов в день (по четверти часа на ходьбу и сидение), а далее начинает увеличиваться общая продолжительность и пропорция ходьбы и сидения. Всего за десять дней она доходит до десяти часов с пропорцией «час – час», а за 26 дней превращается в непрерывную. Мастер не просто контролирует правильность выполнения техники, но явно «передает» состояние внимания. Аджан Супан – аббат монастыря Ват Рам Поенг, который являет собой удивительно чистое излучение любви, посещает европейские страны.

Лесные монастыри – это особая традиция, давшая целую плеяду славных мастеров випассаны даже в XX веке. Самый известный тайский мастер Аджан Ман был выходцем из северо-восточного Таиланда и говорил на лаосском языке, поскольку недавно эти области принадлежали Лаосу. Он буквально возродил эту традицию после периода долгого забвения, проведя всю свою жизнь в лесном отшельничестве в обществе почти одних «небожителей». Два его прославленных ученика – Аджан Ча и Аджан Маха Буа – оставили после себя уже целые школы. Аджан Лунгта, аббат лесного монастыря Ват Там Вуа, где я провела

два месяца, кроме основного мастера обучался у Аджан Ча, и сам практиковал более 30 лет. Лесное отшельничество наложило отпечаток простоватости на его манеры, но радость и свет сквозили во всех его действиях. Он давал полную систему практики, задействуя все четыре положения для медитации, однако не в четко равных пропорциях: стояние, ходьба, сидение и лежание. Один ученый монах до тонкостей расписывал свои переживания пустоты: когда практически полностью останавливается дыхание, ум освобождается даже от мантры «Бхут-тхо», сопровождающей дыхание. Он рассказал, как годами учился удерживать это состояние при переходе от сидячей практики к випассане при ходьбе. Хотя большей частью практика относилась к стадии *саматха* (сосредоточение), предваряющему випассану, мое стремление практиковать именно *випассану* (просветление) было поддержано. В такие центры многие приезжают для селф-ретритов, не участвуя в общей медитации, а ведя совсем затворническое существование в кутире и следуя индивидуальной программе с согласия мастера.

В тайской традиции лесных монастырей именно ходьбе как «позе» для медитации уделяется наибольшее значение. Аджан Ньянадхаммо в австралийских лекциях отмечал, что мастер випассаны, приходя в монастырь, первым делом направлялся проверить дорожки для ходьбы. И если они оказывались хорошо протоптанными, то он заключал, что это добрый знак. Он приводит поразительные примеры практикующих. Тайские монахи ходили по 10-15 часов в день, проделывая около 20 километров пути. Аджан Сингтонг проходил столько, что проторил самую настоящую траншею в песчаном грунте. Аджан Кум Дтун ходил без усталости круглыми сутками, не утруждая себя даже возвращаться на ночь в хижину. Запоздно он просто лег на свою медитационную тропу, а как только просыпался, снова продолжал ходить. Он в буквальном смысле «жил в пути». Один австралийский монах в монастыре по тайской системе практиковал ходьбу на монастырской ограде, внимательно вышагивая туда и обратно, словно по канату, где действительно требуется предельное внимание, да и никто не помешает практике. Поскольку на Западе медитация до сих пор понимается как сидячая практика, подобные факты сродни откровениям. Длина пути и скорость ходьбы обусловлены личным ритмом: Будда после просветления в Бодхгае ходил по пути в 17 шагов – эта тропа сохраняется как святыня. Аджан Ча рекомендовал ходить естественно: не слишком быстро и не слишком медленно. При полном сосредоточении ходьба сама приходит к остановке, и тогда рекомендуется переходить к стоячей, сидячей и лежащей медитации.

Лаосская традиция випассаны, насчитывавшая более 700 лет непрерывной передачи, по-видимому, безвозвратно утрачена. Данная школа, к которой принадлежали высшие круги общества, была официально запрещена в Лаосе после революции. Часть мастеров бежала в Таиланд и интегрировала известные им техники в тайскую традицию, однако литература на тайском языке тоже была до недавнего времени запрещена. Все действующие монастыри превратились в своего рода университеты для молодых лаосцев, где они получали основное образование. Ситуация стала меняться лишь в последние годы, благодаря политическим переменам в стране и улучшению отношений с Таиландом. В 2004 году была предпринята первая грандиозная попытка восстановления традиции випассаны. В монастырь Папхолпхао в северном городе Луанг-Прабанге (находящемся под охраной ЮНЕСКО как всемирное культурное наследие) собрались монахи со всех монастырей страны для обучения основам випассаны. Разумеется, приглашенные учителя не владели коренной лаосской системой, а вводили наиболее общепринятые системы в традиции тхеравады как таковой. Уповать на возрождение собственно лаосской випассаны не приходится, равно как не сохранилась она и в Камбоджи, откуда была воспринята. Трудно предсказать, какие формы примет випассана в Лаосе, тем более что даже первое начинание не было активно поддержано. Сейчас випассану практикуют в названном центре лишь по большим праздникам, а в остальное время там царит полное запустение, в чем мне к прискорбию пришлось убедиться. В настоящее время западным практикующим удобнее всего осваивать випассану в Таиланде.

Руины кхмерской цивилизации

Если вы способны представить себе «чахлую» Индию, где все краски поблекшие, а индусы робкие и заморенные, то так приблизительно выглядит Камбоджа. Сравнение не случайно: соотношение с Индией имеет для этой страны первостепенную важность, ибо она переняла оттуда две главные религии – индуизм и буддизм. И если махаяна прекрасно уживалась с индуизмом (как это было, например, и в Непале) вплоть до зала тысячи буддийских статуй в главном шиваистском храме Анкор Вате, то исконная тхеравада, напроочь исчезнувшая из самой Индии, привела, по сути, к гибели кхмерской цивилизации, где царь был воплощением индуистского бога Шивы. Даже после геноцида в конце XX века, когда целенаправленно уничтожали городскую интеллигенцию и буддийское монашество, искореняя «иноземную идеологию», ныне буддизм является государственной религией, причем 95 % от выжившего населения исповедует именно тхераваду. Однако, во многом тхеравада «виновата» в том, что со времен краха великой кхмерской империи Камбоджа переходит из одного «темного» периода истории в другой, прививая людям равнодушие к происходящему вовне.

Отклоняться от основных туристских маршрутов в Камбодже не рекомендуется, поскольку это самая заминированная страна в мире: на ее территории были заложены миллионы мин во время бесконечных войн и коммунистического строительства за колючей проволокой, и статистика людей с ампутированными конечностями довольно устрашающая. Поскольку мой путь лежал из Вьетнама в Таиланд, то сначала я посетила столицу Пномпень, где царский дворец с Серебряной пагодой отражают более поздний период истории, а уже потом добралась до Анкор Вата – средоточия кхмерской цивилизации. Тем не менее, индуистское влияние прослеживается и в Пномпене. Так, в комплексе Серебряной пагоды с реликвиями Будды, привезенными со Шри Ланки, которая служила царственной особе для медитации в уединении, вы увидите быка Нанди, неизменный атрибут шиваистского храма. А в описании коронации значится возлияние брамином на голову царя священной воды из реки 1000 лингамов, символически считавшейся кхмерской Гангой. И все же город полон тхеравадских монастырей, где сразу после моего прибытия начался 15-дневный фестиваль Пхумбен, и туда стали стекаться буддисты-миряне, чтобы проводить весь день в медитации.

Анкор Ват – это главный храм в огромном комплексе, занимающем территорию около 60 км² и создававшемся на протяжении целых столетий, который тысячелетие спустя производит необыкновенное впечатление своим величием даже в руинах. Эра Анкор Вата заняла добрых полтысячелетия (802-1431 гг.), и история его удивительна. Кхмерская цивилизация началась с момента второй самокоронации императора Джаявармана II после 12-ти лет победоносных завоевательных войн. Он заимствовал индуистскую церемонию посвящения дэвараджи (царь как боговоплощение), приняв на себя обличие Шивы, издревле известного кхмерам как бог-покровитель, и утвердив свою неоспоримую власть над огромной территорией. Это было чрезвычайно мудрое решение, ведь принятие индуистской концепции божественной власти делало людей неукоснительно покорными, а ее действенность была исторически проверена в самой Индии. Он сумел мобилизовать огромный народ как для упрочения военной мощи, так и для возведения ирригационной системы, послужившей основой устойчивой экономики. Он был окружен учеными кхмерскими браминами и следовал мудрым советам.

Само слово «ангкор» – это искаверканное санскритское «нагар» («город»), и таким образом Анкор Ват означает «Храмовый город». Собственно Анкор Ват был построен в 1113-1150 гг. наряду с множеством других великолепных храмов в непосредственной близости, большинство из которых посвящены Шиве, но также и Вишну (например, храм Прех Кхан).

Поскольку же территория империи простиралась на западе до нынешней тайско-бирманской границы, а на севере захватывала значительную часть современного Лаоса, многие кхмерские храмы ныне оказались за пределами Камбоджи в соседних странах. Так, Прех Вихар на спорном участке тайско-камбоджийской границы до сих пор служит объектом военных столкновений, ибо на него претендуют обе страны. Письмена выбивались в основном на каменных стенах, и среди них обнаруживаются не только описания индуистских ритуалов и восхваления царя, но и древнеиндийские эпосы «Рамаяна» и «Махабхарата», хотя и в адаптированных кхмерских версиях. Буддизм махаяны появился здесь наряду с индуизмом, однако он оказывал сходное влияние, поддерживая доминирующий принцип божественной власти.

Главной причиной падения могущественной империи послужила именно смена идеологии. Буддизм тхеравады стал проникать в кхмерскую империю не ранее XIII века, в основном со Шри Ланки, постепенно обретая популярность как при царском дворе, так и в народе. Его идеи попросту сокрушили прочное основание империи на народной покорности, поскольку призывали стремиться к личному просветлению и отрешаться от мирских благ. Люди стали терять всякий интерес к индуистским богам, равно как перестали уповать на царскую волю. Соответственно, пропал всякий энтузиазм трудиться на благо империи и сражаться за нее, отчего вскоре наступил экономический упадок и участились нападения врагов. Наконец, побежденная тайской армией, кхмерская империя втупила в «темный век» истории, который мало изучен и истолковывается историками по-разному. На Западе о кхмерской империи не было известно вплоть до открытия Ангкор Вата французским ботаником, опубликовавшим отчет о своей экспедиции в 1861 г., а два года спустя Камбоджа стала колонией Франции, которая приложила усилия вернуть захваченные Таиландом территории.

Не стоит погружаться здесь в историю XX века, изобиловавшую войнами и катаклизмами, усугубившими мрачное состояние страны, от которого она постепенно начинает «отходить» в последнее десятилетие. Остановимся только на самом ярком отголоске идеи божественной власти, которая воспитывалась веками в кхмерской цивилизации и была умело использована «красными кхмерами» в коммунистической Кампучии, что привело к уничтожению четверти населения в период правления Пол Пота (1975-1978 гг.). Полпотовцы опирались на древнюю привычку повиноваться правителям, ведь в традиционном обществе оставались сильными «царистские» идеи. Правитель есть боговоплощение, он наделен даром государственного управления. Когда на смену царю пришла компартия, массы приняли ее без сопротивления. Протеста не было: высылка из городов, принуждение к тяжелому труду воспринимались как необходимость, а не трагедия. Но лидеры красных кхмеров искореняли религию, а точнее, иную религию – буддизм, который был опорой индивидуализма. Так они «пустили под нож» всех буддийских монахов: новое общество должно быть атеистическим.

Несмотря ни на что, историческое противоречие еще остается: велико влияние буддизма и дает себя знать многовековая традиция культа монархической власти. В итоге мы видим все эти аспекты вместе: Камбоджа является королевством, где буддизм признан государственной религией, а на флаге страны изображен индуистский Ангкор Ват. Для понимания состояния буддизма в современной Камбодже полезной для меня оказалась встреча с камбоджийским монахом Пхра Вичаи, постоянно проживающим в тхеравадском монастыре Ват Умонг в Чианг-Маи (Северный Таиланд), ибо в самой Камбодже непросто найти англоговорящего монаха. В совсем юном возрасте он покинул родную страну, чтобы получить образование, и уже сейчас наставляет в медитации иностранных практиков. В его дальнейшие планы входит поступление в университет в Нью-Дели, хотя для этого ему придется вернуться на год в Камбоджу для сертификации. Честно признав, что делать все это крайне непросто, он полон вдохновения и являет пример подлинного кхмерского буддиста тхера-

вады, воспитанного на идеале самореализации и погруженного в процесс развития осознанности.

Вьетнамский дзэн в XX веке

Мастер дзэн Тхич Тханх Ту аббат монастыря Трук Лам («Бамбуковая Роща») на берегу прекрасного горного озера неподалеку от городка Далат на высоте 2 000 м в горах Центрального Вьетнама, а также основатель 19-ти других монастырей во Вьетнаме и 16-ти монастырей за рубежом. В главном монастыре, где я сама проходила краткий двухнедельный ретрит, постоянно живут и практикуют около полутораста монахов и монахинь. В день моего приезда аббату исполнилось 85 лет, и он перестал читать лекции, но гости монастыря ежедневно сопровождали его в обходе монастыря, а в конце ретрита он уделил мне время для беседы. Как пояснила ранее старейшая монахиня, он был посвящен в монахи в школе Чистой Земли, принадлежащей к традиционному вьетнамскому буддизму, который ярко и разительно отличается от других буддийских школ. Однако он не последовал пути своего мастера, а самостоятельно освоил дзэн, почти исчезнувший из Вьетнама два столетия назад, и стал основоположником его возрождения. В предисловии к первой книге «Вьетнамский дзэн в конце XX века» (1991), которое мне позволили перевести на русский язык, ясно и отчетливо выражена позиция автора, согласно которой именно дзэн составляет самую суть буддизма. (Мария Николаева).

«Впервые я решился опубликовать книгу по дзэнбуддизму. В действительности, она создавалась на протяжении многих лет. Цели ее следующие:

- модифицировать и восполнить вьетнамский буддизм теми методами обучения, которые были ранее искоренены;
- помочь тем, кто хочет практиковать дзэн, получить подходящие методы и провести различие между правильной и неправильной практикой;
- дать ответ буддийским ученым, которые считают дзэнбуддизм эксцентричным и не соответствующим писаниям.

Говоря о вьетнамском дзэн, мы предполагаем вьетнамский буддизм, поскольку мастера дзэн были высокопоставленными монахами, которые прославляли буддизм и вносили свой вклад в благополучие народа, начиная с VI века. И поныне, когда заслуженный буддийский монах покидает мир, мы всегда видим на его плите надпись: „Продолжил линию преемственности Лин-Чи в 13-м / 14-м поколении...“. Разве хотя бы один из этих старейших монахов отрицал, что он был последователем традиции дзэн?

Большинство пагод во Вьетнаме в наше время имеет статую Шакьямуни Будды на главном алтаре и изображение Патриарха Бодхидхармы или дзэн-мастера Винитаручи на заднем алтаре. На памятках, раздаваемых для принятия трех прибежищ и пяти заповедей, раздаваемых мирским буддистам, тоже написано: „Подлинная линия преемственности Лин-Чи или школа Тсао-Тунг...“.

В таком случае, давайте зададимся вопросом, а какие методы практиковал Господь Шакьямуни, чтобы достичь просветления? Какими путями патриархи становились патриархами? Откуда возникла школа Лин-Чи? Разве Господь Шакьямуни не достиг просветления, сидя в медитации под деревом бодхи? И разве патриархи не практиковали медитацию, чтобы стать патриархами? Верно, Лин-Чи – это одна из пяти дзэнских школ в Китае. Их также называют пятью домами чань (яп. „дзэн“): Лин-Чи (яп. „Ринзай“), Куей-Янг, Тсао-Тунг (яп. „Сото“), Юн-Мен и Фа-Йен.

Тем не менее, в наше время многие буддийские монахи и монахини будут сильно протестовать, если вы заявите, что вы практикуете дзэн. Это подобно тому, как если бы мы удерживали верхушку дерева, отсекая его корни. Так легко мы забываем своего Будду и пат-

риархов, которых мы почитаем, и о своей религиозной принадлежности. Мы предаем своих предшественников! Что же до вьетнамской истории, какие буддийские школы развивались в династии Динх, Ле, Лай, Тран, Хау Ле и Нгьен? Какая последняя школа оказала на нас сильнейшее влияние? Все мы знаем, что школы Нгуен-Тхьеу и Лиен-Чуан в центральном Вьетнаме были дзэнскими школами!

Тогда почему бы нам не углубиться в дзэн-буддизм? Если он остается для нас непонятным, то мы должны его исследовать. Нелепо отвергать дзэн просто в силу своего непонимания. Позорно для буддийских монахов и монахинь забывать о дзэн-буддизме, а тем более протестовать против него. Чтобы разрешить сомнения, мы должны проследить до конца за углубленным вопрошанием. Если эти методы соответствуют пути Будды и патриархов, мы будем рады, а если они еретические, то мы должны будем разоблачить их, чтобы не вводить в заблуждение монахов и мирян.

Такова мудрая позиция подлинных буддистов, которые поддерживают истину и устраняют заблуждение. Она не служит целям опрометчивой и безрассудной критики. Совсем немногих интересует практика дзэн, однако они чувствуют растерянность перед преумножением медитационных техник во Вьетнаме и повсюду. Им непонятно, что верно, а что неверно. Одни отступают от практики, а другие примыкают к неким сектам, не разобравшись в истории. Эта проблема возникает от недостатка компетентных учителей. Монахи должны принять ответственность за наставление мирян. Мы не должны говорить: „Если вы последуете за мной, то я буду вас учить, а иначе идите, куда хотите“.

Некоторые ученые вопиют, что дзэн – это „отбросы“ буддизма. Такова позиция тех, кто находится вне традиции дзэн. Те же, кто принадлежит к ней, считают дзэн самой квинт-эссенцией буддизма. Фактически, писания махаяны, по-видимому, содержат нечто невразумительное, тогда как мастера дзэн применяют „шутовской“ подход, который может сильно сбивать с толку. Тот, кто подберет ключ к этой мистерии, несомненно найдет истину. Он обнаружит, что между дзэн и писаниями нет никаких противоречий. Однако дзэн-буддизм основательно заклеили как „особую передачу вовне писаний“, чтобы обратить практикующих к реальной жизни.

В поисках истоков дзэн мы обнаруживаем, что он несомненно восходит к Будде Шакьямуни. Причиной его воплощения была череда сомнений в „судьбе человека“. Его просветление было безупречным ответом на этот вопрос посредством применения его высшей мудрости. В итоге, он торжественно провозгласил: „Я нашел Путь без всякого учителя!“. Будда достиг просветления, поскольку он умело пробудил свою собственную врожденную мудрость, используя заполонившие ум вопросы [коаны], которые постепенно устранили все вторгающиеся мысли. Более того, глубоко погружившись в медитацию, он смог положить конец всем иллюзиям.

Интервью и коаны составляют самую суть буддизма. Интервью означает консультацию или вопрошание мастера о сомнительных вопросах. Когда мы не способны решить важную проблему, мы обращаемся к дзэн-мастеру. Но он не решает проблемы, а наоборот, усугубляет сомнения и заставляет их развиваться. Сомнения усиливаются день за днем, пока практикующий не становится захвачен ими настолько, что уже не замечает ничего вокруг. Наконец, масса сомнений „взрывается“. Он получает прозрение, достигает пробуждения. Он уже разрешил свою неразрешимую проблему! В дзэн-буддизме таково просветление при медитации, таков же результат практики коана.

Дзэн оказывается истоком всей буддийской дхармы. Дзэн непосредственно относится к практике самого Будды, но не имеет отношения к применяемым буддистами методам. Дзэн не следует ни хиньяне в применении четырех основ внимания и пяти методов остановки блуждающего ума, ни махаяне в применении созерцания зависимого возникновения. Мастера дзэн применяют тот самый метод Будды, которым он достиг просветления, задав-

шись вопросом о судьбе человека. „Почему человеческие существа обречены страдать от рождения, старения, болезни и смерти? Есть ли отсюда выход?“ Этот вопрос направляет практикующего на протяжении всей жизни. Когда же бомба взрывается, как было с Буддой, он достигает полного просветления.

Сталкиваясь с сомнениями, мы продолжаем пребывать в них так долго, пока они не „вызревают“ и не „взрываются“. Это называется „озарение“, или „пробуждение“. Данный метод не описывается в буддийских писаниях, он „за пределами слов и писаний“. На практике вы просто удерживаете спокойствие ума, незатронутого ничем из окружающего, так что при лицезрении любой картины не возникают никакие мысли. Все писания учат отвлечению ума от объектов, непривязанности к внешнему и созерцанию явлений с непредвзятостью. Таким образом, последний этап практики *дхармы* составляет именно дзэн. Он уже не следует предустановленным паттернам писаний, а имеет свой творческий путь. Благодаря своей креативности, в конце концов дзэн достигает цели *дхармы*.

В зависимости от степени сомнений мы получаем откровение той или иной силы. Например, вопрос „Кем я был до своего рождения?“ – это глобальный вопрос, и если мы в состоянии получить ответ, то нас ждет великое откровение. Иными словами, мы увидим свой „истинный лик“, или получим прозрение в свою „подлинную природу“. Если же мы вопрошаем: „Зачем питаться вегетарианской пищей? Зачем практиковать медитацию?“, – то и наше просветление будет незначительным. В буддизме есть два вида мудрости: первая возникает от изучения писаний и называется „ученостью“, которая приходит извне. Когда же ум спокоен, он порождает мудрость, или, как говорили древние мастера: „*Сосредоточение ведет к мудрости*“. Когда сфера ума пуста, ее может озарить солнце мудрости. Здесь нет „степеней“ – либо есть просветление, либо его нет.

Вьетнамский дзэн в конце XX века представлен нашим учением, практикуемым в монастырях Чан Кхонг („Великая Пустота“) в 1970-1986 гг., а впоследствии и в других центрах. Мы не следуем пяти китайским вышеназванным школам. Мы просто сводим воедино три важные вехи в истории распространения дзэн-буддизма из Китая во Вьетнам. Первую веху оставил второй патриарх Хуи-Ке, вторую – шестой патриарх Хуи-Ненг, а третью – первый патриарх вьетнамской школы Трук-Лам („Заросли Бамбука“). Методы практики дзэн в наших ныне действующих монастырях во Вьетнаме следуют учениям, прозрениям и наставлениям этих трех великих патриархов.

Патриарх Хуи-Ке (494-601 гг.) был учеником Бодхидхармы и был крайне озадачен, почему его ум беспокоен во время медитации. Наконец, он попросил научить успокаивать ум. Бодхидхарма посмотрел ему в глаза и произнес: „Принеси мне твой ум, и я успокою его“. Хуи-Ке принялся искать свой ум, но ничего не обнаружил и признался: „Почтенный, я не могу найти ум“. Тогда мастер заключил: „Я уже успокоил его в тебе“, – мгновенно Хуи-Ке достиг просветления. Очевидно, что „метод“ *успокоения ума* – это „не-метод“. Мы просто обращаем свет мудрости вовнутрь, чтобы исследовать свой беспокойный ум, и он исчезает. В дзэн его называют „созерцанием“. Мы говорим: „Распознавай иллюзорные мысли и не следуй за ними“. Так Хуи-Ке нашел свой Путь.

Патриарх Хуи-Ненг (638-713) достиг просветления благодаря чтению „Алмазной сутры“, где Будда наставляет: „Не позволяй своему уму опираться на форму, звук, запах, вкус, осязание или даже дхарму. Следует развивать ум, который нигде не пребывает“. Итак, шестой патриарх не остановился на непривязанности ума к объектам, а „проскочил“ через нее в свою чистую нерожденную бессмертную природу. Эта природа называется *дхарма-ка* – „тело дхармы“, или „истинный лик“, присущий каждому с незапамятных времен. Когда мы обретаем прозрение в нее и живем в ней, мы достигаем „внезапного просветления“. Шестой патриарх ввел для этого методы „трех ничтоностей“: безмыслие в истоке („не-

мысль“); нематериальность как субстанция („не-форма“), непребывание как основание („не-привязанность“). Таков вклад в дзэн шестого патриарха.

Первым патриархом вьетнамской школы дзэн-буддизма Трук Лам („Бамбуковые Заросли“ стал царь Тран Нхан Тонг (1258-1308), получивший духовное имя Хуонг Ван Даи Дау Да, или „Великий аскет из Хуонг Вана“. Он искусно объединил три школы дзэн-буддизма, распространившиеся в то время в стране, и основал собственно вьетнамский дзэн. В его поэме „Будь счастлив на Пути“ последний стих суммирует прозрения и наставления шестого патриарха, указывая самую цель практики дзэн:

Проживая жизнь, будь счастлив на Пути, действуй по ситуации.

Когда голоден принимай пищу, а когда устал ложись спать.

Сокровище лежит прямо дома прекрати блуждать и искать.

Встречая события безмыслием, незачем спрашивать о дзэн.»

Випассана и дзэн: коннотации

Китай в процессе жестокой культурной революции, как известно, искоренил все реальные линии преемственности практиков, и поныне там строго запрещена религиозная пропаганда. Дзен-буддийский монастырь Веншу в Чэнду, где мне довелось побывать, представляет собой странное зрелище. Вы платите за входной билет, как в музей, однако территория храма полна монахов, а когда главные ворота закрываются, в храме собираются десятки монахов, приходят также верующие миряне, и проходит богослужение в присутствии главного дзен-мастера. Всех иностранцев выдворили вместе с праздными посетителями, а для меня все же сделали исключение, поскольку я провела там весь день в ожидании церемонии. Такую же картину являют и даосские храмы в городе и на священных горах в окрестностях: дорогой входной билет в «музей», но внутри обнаруживаются мастера тайцзы. В главном храме Двух Бессмертных (Чиньян) в центре Чэнду я провела целый день в обществе даосского мастера Хэ, обучающего не только форме тайцзы, но и внутренним практикам, глубокое общение с которым состоялось благодаря его американскому ученику Ли Баю, прожившему в Китае пять лет. Они поведали мне, что даосизм глубоко изучают на священной горе Чиньчен и на первой кафедре религии, открытой в 1980 г. в Сычуань-университете, которая меня не впечатлила.

Эрик Арное посвященный в дзэнские монахи, провел два года в горном центре Тассаджара (США) и 13 лет в дзэн-центре в Сан-Франциско. Он лично учился у Ричарда Бакера, преемника основателя центра Шанры Судзуки, и вст – ечался с ним самим. Позже он учился у Роберта Айткена первого и самого уважаемого дзэн-мастера в Америке, а в настоящее время стал учеником Нильсона Фостера. В возрасте 55 лет он отправился в Юго-Восточную Азию, где живы буддийские традиции: провел четыре года в Таиланде, практикуя випассану в нескольких разных школах тхеравады, посетил и окрестные страны – Лаос, Бирму и Китай. Я встретила с Эриком в тайском лесном монастыре Там Вуа возле бирманской границы, где он нередко проходил длительные ретриты. За целую жизнь у него накоплен уже 37-летний медитативный опыт в традициях махаяны и тхеравады. После наших бесед о буддизме Эрик дал разрешение на перевод этого письма на русский язык. Сам он является внуком российских эмигрантов, выехавших в США в начале XX века.

«Всем привет! Только что завершив десятидневный курс в центре Гоенки в Таиланде, я хотел бы поделиться некоторыми мыслями. Крайне интересно, как после многих лет практики резонирует память о прошлом. Возможно, Будда был прав, говоря о накоплении заслуг, или это просто карма и тому подобное, но мне вспоминается время, проведенное в дзэн-центре и монастыре Тассаджара (Tassajara). Проведя в Таиланде целый год, я практиковал випассану в нескольких различных школах, конечно, продолжая свою практику дзэн. Один

из серьезных вопросов: существенна ли разница между дзэном махаяны и випассаной тхеравады? Хотя есть различия, я усматриваю также много общего. Хотя бы в одном я уверен – что время, посвященное практике, проведено с пользой. Можно спросить, почему бы мне не вернуться обратно в монастырь, вроде Тассаджары, вместо того, чтобы усложнять себе жизнь. Однако, в целом, мне действительно проще практиковать в Азии.

В учении Судзуки Роши мне вспоминаются главные идеи: во-первых, „видеть вещи, как они есть“, во-вторых, „ничего особенного“, в-третьих, „непривязанность“. На ретрите в центре Гоенки по видео он часто отсылал к „вещам, как они есть, а не так, как нам хотелось бы“. Итак, здесь очевидно совершенное сходство. Он рассказывал презабавную историю о себе – бирманском бизнесмене, проходившем ретрит с его учителем У Ба Кином много лет назад. В этом центре (где я сам пробыл недолго), устроены индивидуальные кельи для медитации. Основу практики составляет внимание к текущим ощущениям в теле. Когда он сидел в келье, учитель зашел к нему узнать, испытывает ли тот что-нибудь. Будучи индуистом, он жаждал видения Вишну или явления яркого света и т. п. Вместо того, ему пришлось раздеться до исподнего оттого, что в келье было жарко и душно (а там и впрямь жарко и душно!). Значит, он ничего не испытывал. У Ба Кин сказал: „Но посмотри на себя, разве тебе не жарко?“ Жарко? И это называется опытом? Какой же дурак примет нечто подобное за опыт? „Когда припекает – изнывай от жары, когда холодает – изнывай от холода“. Ничего особенного ты не увидишь, прежде чем станешь ТЕМ. Просто жарко.

В курсе практики первые три дня внимание направлено на движение воздуха в ноздрях, затем – на ощущение дыхания на верхней губе, затем на ощущения в самой верхней губе. Данный метод не требует подсчета дыханий или применения мыслеобразов для фиксации ума. В последующие дни внимание переводится на телесные ощущения. Так, во многих дзэн-центрах ученикам известен рассказ Дика Бакера о четырехдневном сессине, когда Судзуки Роши якобы „забывал“ позвонить в колокол и оставлял его страдать еще два часа или более. Ладно, в курсе Гоенки на четвертый день випассаны он переходит от слежения за дыханием (анапанасати) к направленному сканированию вниманием тела от макушки до пальцев ног, отмечая возникающие ощущения. Весь „тур“ занимает два часа. Итак, я просиживал там со скрещенными ногами по два часа кряду уже четвертый день ретрита, который начинался в 4 утра и завершался в 9 вечера. С моими старческими ветхими коленями такая реальность не слишком годится для того, чтобы подвести к „прямому опыту реальности“. Но в конце курса Гоенка отметил: „Такова реальность“. Полагаю, что в точности те же самые слова Судзуки Роши повторял на протяжении четырехдневного испытания Бакера.

Это вызывает и другие воспоминания о минувшем. Вакер Роши однажды велел мне дышать через руки и ноги и следовать докусану, но я не смог продолжать практику. Он рассердился, что было закономерно. Передайте ему мои извинения. Где же метод У Ба Кина отличается от моего опыта дзэн, когда требуется практиковать часами (в течение дня можно менять позу, кроме трехчасового периода) при повторении наставлений. Я помню, как сильно извивался и корчился на сессинах. Так здесь то же самое. Мои достижения – „тридцать лет практики и больные ноги“, ¹ но я больше не извиваюсь и не корчусь по меньшей мере час. Видимо, сото-дзэн пришел к шапочному разбору, хотя и не повторяя постоянно основные наставления, затем слабо обеспечивая докусан. Судзуки Роши был прав, когда говорил, что вы могли зря потратить годы, сидя на черной подушке. Без постоянных напоминаний леко все потерять. Другое сходство между випассаной и сото – активное осознание тела.

¹ Это „признание“ – цитата из ответа одного видного дзэнского мастера о своих достижениях. Стоит подчеркнуть, что для буддистов хорошее здоровье вообще не является критерием высокого уровня практики. Достаточно вспомнить, что даже сам Будда страдал кровавым поносом непосредственно перед уходом в Нирвану. Среди современных мастеров известны случаи оставления тела в результате неизлечимого рака. В данном отношении к телу они близки таким великим адвайтическим учителям, проводившим годы в самадхи, как Рамана Махарши и Рамакришна Парамхамса. – *Прим. пер.*

Шикантаджа – простое сидение с полной бдительностью – представляется целостным осознанием тела. По словам Линчи: „В массе красной плоти есть истинный человек без примет. Он постоянно входит и выходит через врата чувств. Те, кто его не видит, смотрите же!“.

На ретрите Гоенка постоянно напоминает ученикам: „Просто наблюдайте“. Он уверяет, что при отслеживании определенных телесных ощущений, развивается мудрость – *праджня* (*панья* на языке пали). Это расходится с моим собственным опытом дзэн, в котором гораздо меньше отмечаются возможности переживаний, особенно на физическом уровне. Здесь же больше подчеркивается внимание к телесным ощущениям, требование возвращать внимание к тому, что происходит в теле. Это послужило для меня ценным уроком. Еще одна деталь на ретрите – акцент на равномерное созерцание. Мне кажется, что в дзэн есть противоречие между *сото* (непривязанностью), которое ведет к продолжительному деревянному сидению, и *ринджай* (достижением), которое отражает попытку пробиться к кеншо. Хотя в последние годы Алмазная Сангха предостерегает от падения в эту пропасть, это случалось в прошлом. Я помню одного ученика в группе, говорившего о „внедрении в Му“. Явная направленность стиля У Ба Кина вовсе не состоит в дальнейшем детализировании физических ощущений. Дело в том, чтобы стать чувствительнее к тонким ощущениям.

Примечательное явление в Таиланде – изрядное число соперничающих сект. Вы встретите множество людей, которые будут вас уверять, что их метод „самый лучший“ и „восходящий к самому Будде“. Стиль Махаши Саядо выступает здесь очевидным примером. Подъем и опускание брюшной стенки во время дыхания как объект сосредоточения находит много сторонников. К достоинствам относится и включение длительных периодов ходьбы, когда тело может отдохнуть от часового сидения. Кроме того, ученикам предписывается отмечать феномены при их возникновении словами, иначе ум блуждает. Между тем, метод У Ба Кина требует прямо противоположного – возврата к сосредоточению на физических ощущениях. Я обсуждал этот момент с одним монахом, утверждая, что невозможно переживать что-либо по-настоящему, если давать название, поскольку явление и мысль – в действительности, две разные вещи. Но, как я понял, суть в том, что, именуя особое состояние, можно остановить бессознательную привычку к созданию образов. Цель практики, будь то тхеравада или дзэн, в опознании состояний и устранении привязанности к уму/телу. Как говорит Чао-Чоу: „Пресекайте путь ума“. Что угодно действенно, даже если пути различны.

По моим представлениям, наилучший метод – тот, который работает для данного человека. Но это может потребовать множество экспериментов и прискорбной путаницы. Ладно, как говаривал мой учитель Нельсон Фостер, это проект на десять тысяч лет вперед. Кроме путей У Ба Кина и Махаши Саядо в Таиланде распространена практика мысленного повторения „Бхуу“ на вдохе и „Тхо“ на выдохе, отслеживая течение воздуха туда-обратно через ноздри. Здесь используется ощущение воздуха в сочетании с мысленными отметками („Бхутто“ – произношение имени Будды по тайски) для сосредоточения ума. Однако, когда ученик получает некий опыт, он переходит к определенной форме сканирования тела, наподобие метода У Ба Кина. Фактически, несколько школ випассаны используют сходные техники, а тексты тхеравады, такие как „*Висуддхи Магга*“ отсылают к медитации на 32 частях тела. Хотя вопрос о том, как все это соотносится с дзэн и коанами, придется отложить, я заметил, что некоторые коаны прояснились для меня во время последнего ретрита. „Обычный ум есть Путь“ и „Верный путь не труден, лишь избегай разборчивости“. По-видимому, это отсылки к чистому безоценочному созерцанию проявлений тела/ума. Мой любимый коан „истинный человек без примет“ ведет к средоточию понимания. По-моему, Нирвана, Сатори и Ниббана едины. Я смогу подтвердить это впоследствии или в будущих воплощениях.»

С меттой, Эрик (16 сентября 2005 г.)

Индия – Индонезия – Малайзия

Шри-Ланка издревле выполняла роль звена в связи Индии и Китая по морю в обход Индокитая. Однако ближайший морской путь в Китай вел, разумеется, тоже через Индокитай. Хотя столица Шри Ланки переехала в прибрежный город Коломбо, роль «культурной столицы» по-прежнему выполняет старый город Канди в горах в центре острова. Поскольку на Шри-Ланку я прилетела вскоре после разрушительного цунами в декабре 2004 года, от которого сильно пострадало побережье острова, все время я пробыла именно в Канди. Главный буддийский храм города содержит священную реликвию – зуб Будды, который тайно вывезли на Шри Ланку вскоре после кремации, а впоследствии возвели особый храм для его сохранения. Пещерный храмовый комплекс Алувихарэ недалеко от Канди датируется I в. и содержит пальмовые листья, на которых впервые было записано буддийское учение на Шри-Ланке. Когда я оказалась в Таиланде, при чтении жизнеописаний монахов в храмах часто обращала внимание на упоминания вроде «он был необыкновенно ученым, ибо странствовал на Шри-Ланку для изучения буддизма». На острове немало центров медитации, где классическая бирманская випассана в традиции тхеравады причудливо смешана с практикой индуистской йоги. Это родина тайской, кхмерской и лаосской тхеравады, которую так и называют в самом Индокитае – «ланкийский буддизм».

Культурные сумерки на Суматре

Суматра, северо-западный остров Индонезии, служил «буферной зоной» между Индией и Китаем отчасти через Малайзию и Индокитай, хотя отдельные его царства с древности установили прямое морское сообщение с Индией и Китаем. Все причудливое переплетение индуистских и китайских влияний происходит здесь в мусульманской среде, отличающейся редкой веротерпимостью. Первое мусульманское царство возникло на месте нынешней провинции Ачех в X веке и стало «прямыми воротами» в Мекку. «Дурная слава» Суматры после цунами благоприятно сказалась на возможности посещения, позволяя погружаться в многообразие культурных традиций. В крупнейшем северном городе Медан вы обнаружите индуистские, даосские и мусульманские храмы, на озере Тоба (где я жила полтора месяца в кратере древнего вулкана) вас встретят племена батаков, которые ранее были каннибалами с анимистическими культами, а недавно перекрестились в католиков и протестантов, тогда как южная часть острова издревле была буддийской, равно как острова Ява и Бали далее на юг.

Индуизм. Северная оконечность Суматры находится почти на одной широте с самой южной частью Индии – мысом Индиры Ганди, завершавшим до цунами 2004 года гряду Андоманских и Никабарских островов. В главном суматранском городе Медане, «неухоженостью» мрачно напомнившим мне Дели, расположен крупнейший в Индонезии «индийский квартал» Кампунг Келинг. Он славится старейшей и самой почитаемой святыней – храмом Шри Мариамман, который был построен в 1884 году и посвящен богине Кали. Этот квартал воспроизводит «Малую Индию» в городе Джордж-таун на островке Пинанг в Малайзии, с которого я приплыла на пароме на Суматру. Хотя на Пинанге вообще немало индийцев и индуистских храмов, это действительно нечто вроде Индии в миниатюре. Проживающие там чистокровные индийцы тщательно сохраняют быт и нравы, держась вполне оформленной общиной, правда, индуистская йога никому не интересна. В отличие от стран Индокитая, где от древних индо-буддийских храмов остались одни развалины, здесь индуизм – живая религия. Но еще лучше шиваизм сохранился до наших дней в синтезе с махаянским буддизмом на острове Бали, куда я добралась гораздо позже.

Даосизм. Парадоксальным образом, именно в индийском квартале расположен также и крупнейший китайский храм на Суматре – даосский храм Восточной Горы (Вихара Гунунг Тимур), который отстоит от индуистского храма всего на 500 метров и соперничает с его причудливыми орнаментами своими великолепными росписными драконами, даосами, воинами и цветами лотоса. Здесь снова вспоминается малазийский остров Пинанг, где соседство китайских и индуистских храмов – не исключение, а едва ли не правило. Так, индуистские храмы стоят прямо вплотную к самым знаменитым китайским храмам – Кек Лок Си (на горе Пинанг в центре острова) и Змеиному храму, что и говорить о менее важных святынях. Следует подчеркнуть, что чаще это не исторические музеи, а действующие храмы. Как на Пинанге ныне проживает значительное количество китайцев-эмигрантов и китайских храмов очень много, так и в Медане китайское население ничуть не уступает индийскому. И хотя даосский храм непосредственно в индийском квартале – это культурное исключение, удивительное на общем фоне, в городе есть также целый «Китай-город».

Буддизм. История буддизма в Индонезии весьма замысловата, ибо в разное время на разных островах побывали все «колесницы»: и хинаяна, и махаяна, и ваджраяна. Причем, их развитие происходило на фоне сильного влияния шиваизма, почти как в Непале, и сочетание индо-буддизма с шаманизмом сохраняется ныне на Бали. В VII веке китайский путешественник-буддист И Цзин по пути в Индию морем остановился на Суматре в царстве Шривиджая, неожиданно обнаружив развитую форму монастырского буддизма хинаяны, и насчитал добрую тысячу монахов. Позже там существовали махаяна и ваджраяна, которые получили максимальное развитие при династии Шайлендра в VIII–IX веках на Яве, где был возведен третий по величине в мире храмовый комплекс Боробудур. Яванские короли завоевали не только Суматру, но и Малайский полуостров – на всей этой территории процветала махаяна. В X веке индийский мастер Атиша посетил Суматру с целью восстановления учений о Бодхичитте. Он вернул эти учения в Индию и Тибет, способствуя возрождению буддизма после периода его упадка. Но ныне буддистов осталось всего два процента от населения Индонезии.

Остров Пинанг как квинтэссенция

Малайзия преимущественно мусульманская страна, однако на Пинанге почти повсюду высятся как буддийские, так и индуистские храмы. Причем, буддийские храмы представлены не неким особым малазийским стилем, а собраны всевозможные школы буддизма – храмы так и называются: китайский, бирманский, тайский... Большинство из них реально действуют: так, в бирманском храме в Джорж-тауне при мне проходила церемония принятия буддийского прибежища. Китайские храмы, по всем отзывам, сохранились лучше, чем в самом Китае, в чем мне впоследствии довелось убедиться. Внушительный китайский храм высится на горе в самом центре острова Пинанг, откуда открывается вид на город с жалкими небоскребами. Весьма интересна история создания Змеиного Храма: китайский монах Чхор Соо Конг перебрался на Пинанг и жил с лесными змеями, а когда в его честь построили храм (XIX в.), то в нем тоже немедленно поселились змеи, которых держат там до сих пор. На Пинанге немало индийцев и новоотстроенных индуистских храмов, которые после Индии кажутся «не настоящими». В одном из храмов меня пригласили на общее собрание индийцев, посвященное проблемам их бедственного положения в Малайзии с которыми они собирались обращаться к английской королеве, но я отклонила эту честь, благо вообще не люблю вмешиваться в политику.

Пинанг – это своеобразное средоточие всех культурных связей: в глобальном плане остров лежит на морском пути между Индией и Китаем; он ближе всего расположен по суше к Индокитаю с устойчивыми формами взаимодействия индийской и китайской куль-

тур; и, наконец, он находится на стыке Индонезии и Малайзии в альтернативной «индоки-тайской» зоне. За два года в Индокитае я провела на Пинанге в общей сложности почти три месяца, постепенно углубляясь в его сложную духовную жизнь: от посещения крупных храмов до общения с учителями медитации в малоизвестных западным туристам центрах. Поскольку ситуация с индийскими и китайскими храмами уже отчасти прояснилась выше, здесь я остановлюсь на возможностях вполне реальной практики. Характерно, что индуистская йога неформально запрещена в Малайзии, поскольку властители закономерно усматривают в ней не просто обычные физические упражнения, а чуждую идеологию, которая может «развернуть» мусульман. Хотя данный вердикт не имеет формы закона, большинство населения предпочитает ему следовать, тогда как буддийская медитация распространена достаточно широко.

Хинаяна. Это первая из попавших в Малайзию «колесниц» буддизма, которая поныне наиболее доступна для приобщения к практической медитации. Десятидневные ретриты (которые могут быть продлены по договоренности с учителем) проводятся в Малазийском буддийском медитационном центре. Курсы организованы по системе Махаси Саядо, второго всемирно известного бирманского мастера випассаны после Гоенки, хотя в самой Бирме он гораздо более почитаем. Центр расположен в Джордж-тауне в трехэтажном здании, которое вы обязуетесь не покидать на протяжении всего ретрита. Я сама не стала там задерживаться, но лишь за отсутствием вегетарианского питания. Сам монастырь был основан еще в 1918 году как тайский храм под названием Ват Чандарам, а в 70-х годах прошлого века его возглавлял ученый тайский монах, который изначально стремился обучать медитации лишь местных малазийцев. Впоследствии его сменили китайский и бирманский аббаты, так что он постепенно превратился в международный центр медитации. Отдельные классы випассаны проводятся в Бирманском храме Дхармакарма и в палийской школе Махиндарамы, но они бывают всего раз в неделю и рассчитаны, в основном, на начинающих.

Махаяна. Эта «колесница» гораздо шире распространена на Пинанге в силу большого количества китайских иммигрантов, которые перенесли сюда и свою древнюю культуру. Однако обучение и практика затруднены для иностранцев, поскольку китайцы не утруждают себя изучением английского, как и в самом Китае. Так, все обучение в храме-университете Тхан Хсиань проходит на китайском языке, включая ретриты по рецитации имени Будды, поскольку данный храм принадлежит к школе Чистой Земли (амидаизм). Примечательно, что философия буддизма изучается здесь по академическим стандартам с выдачей дипломов от бакалавра до доктора. Сходным образом, в чаньском медитационном центре Фан-Инь не принимаются иностранцы, а храм создан исключительно для малазийских монахинь, лишь одна из которых смогла немного побеседовать со мной на английском. Из беседы выяснилось, что они тоже делают больший акцент на ритуальную практику, нежели на дзэн-медитацию, даже несмотря на название центра. Махаяне покровительствует и Малазийская ассоциация буддистов на Пинанге, под эгидой которой находятся другие школа и университет.

Ваджраяна. После исторического экскурса наличие тибетского буддизма в этих краях не должно удивлять, хотя поначалу я была в полном изумлении! Он принял здесь весьма современную форму, основные практики сохраняют вполне традиционный вид. Так, в медитационном центре Ваджрапани на Пинанге, который принадлежит к новой школе Кадампа, проходят ретриты по четырем предварительным практикам (нгендро), и в конце 2008 года было два недельных ретрита – гуру-йога вместе с подношением мандал в ноябре, а также ваджрасаттва в декабре. Более того, для малазийцев проводятся длительные программы базового обучения, рассчитанные на несколько лет, а на отдельные классы раз в неделю допускаются все желающие. Надо отметить, что посетителей центра немного, причем исключительно местные, тогда как иностранцы забредают туда крайне редко. Однако, обратное движение присутствует: сама нынешний инструктор летает на семинары во Францию,

хотя она ни разу не была ни в одном настоящем тибетском храме. В целом, ваджраяна посреди небоскребов выглядит сильно рафинированной, поэтому сей практической возможностью можно, по большому счету, пренебречь.

Псевдо-духовность на острове Бали

Балийский синкретизм на основе индуизма

Более широкий контекст для этого экскурса был мною задан ранее. В годы пребывания в Индокитае в культурном плане меня интересовали вопросы смешения индийских и китайских влияний, особенно через две главные колесницы буддизма. Исторически индуизм был способен «переваривать» только махаяну, не случайно хинаяну буквально выжили из Индии, а под более распространенным ныне названием «тхеравада» она, в свою очередь, изгнала индуизм из кхмерской империи, а постепенно также из всего Индокитая.

Давайте рассмотрим для примера буддийскую ступу в индуистском комплексе Улун-Дану на озере Братан возле вулкана Катур. Это вполне традиционный балийский храм, построенный в 1633 году тем же самым царем, который воздвиг и известный «царский храм» Таман-Аюн. Он состоит из трех святилищ, посвященных Брахме (большой на берегу), Вишну (средний на островке) и Шиве (малый подальше от берега). Однако еще на нутн в комплекс первым делом вас ждет боковая дорожка к монументальной ступе, так что мимо Будды вы туда не пройдете!

На первый взгляд, Бали находится исключительно под влиянием индийской культуры, и вообще ничего китайского здесь не обнаруживается. В соответствии с географией «морского пути», Вьетнам насквозь китаизирован, Малайзия – всего на одну треть, а Индонезии досталось совсем не так уж много. «Тонкая китайщина» могла бы показаться сильной натяжкой, ибо тот буддизм, который на Бали повсеместно обнаруживается «внутри» индуизма, не настолько явно тянет на пракаитайскую махаяну, как в аналогичных ситуациях во Вьетнаме или Камбодже.

Отдельные китайские феномены выскакивают как «чертик из табакерки». Например, меня удивил китайский храм с иероглифами там, где я меньше всего ожидала его увидеть – прямо в одном из крупнейших индуистских комплексов Пура Батур возле озера Батур на горе Батур. Никто не смог мне объяснить, как он там оказался. В путеводителе упоминается китайский храм в Куте, который я благополучно пропустила, а мой местный гид подтвердил наличие диаспоры коренных китайцев в Денпасаре. Впрочем, китай-города вездесущи.

Но даже если оставить маргиналов в покое, как известно, индуизм этот даже внешне совершенно не похож на индийский. С первого взгляда, мне он напомнил по колориту скорее шаманские культовые постройки племени батаков на озере Тоба (остров Суматра). Хотя те тое вроде «перекрестились» в христианство, сохранившиеся домашние алтари и гробницы царей гораздо ближе по стилю к балийскому индуизму, чем индийский индуизм. Аргументировать свое впечатление не берусь, но после пяти лет жизни в Индии я просто не узнала «индуизм».

Совсем забавным оказался легонг «Махабхараты» на сцене царского дворца в Убуде, где эпос был заявлен как основная программа, а до и после него значились отдельные танцы. Трансформации индийского эпоса были мне ранее известны по лаосской, кхмерской, тайской версиям «Рамаяны», и я была готова к неожиданностям. Однако танцы сменялись танцами с начала и до конца, но никакого эпоса все не было... Позже выяснилось, что пять женщин в одинаковых цветастых нарядах и отплясывали драматический сюжет войны богов

с асурами. Для понимания подбных изысков нужно быть профессионалом или просто местным жителем, которому все подобное привычно.

Доминанты буддизма: випассана и ступа

Многим хорошо известно о буддийском монастыре Брахмавихара Арама, отмеченном на большинстве карт Бали, и обычно гиды уверяют туристов, якобы это единственный буддийский памятник, не считая буддийских святилищ, интегрированных непосредственно в индуистские храмовые комплексы. Но дело не только в том, что вместо явного индуизма с инкрустациями буддизма мы видим явный буддизм в индуистской аранжировке. Шиваизм легко включает в себя махаяну, как это было в Анкор-Вате (Камбоджа) или Чамских храмах (Вьетнам) и доселе сохраняется в Пашупатинатх-мандире (Катманду, Непал). Однако данный монастырь выполняет роль действующего центра випассаны в традиции тхеравады!

Впрочем, еще ранее священник маленького буддийского храма в комплексе индуистского святилища-пещеры Гоа-Гаджа не только с легкостью заявил: «Шива и Будда – это один Бог, кому бы вы ни поклонялись», – но и с не меньшей уверенностью пошел дальше в ответ на просьбу уточнить – махаяна или хинаяна: «То и другое – как мужская и женская ипостаси одного Будды, которые по сути едины». Более того, большинство медитативных ритритов в монастыре проводит доктор медицины из Джакарты по разработанной им самим системе, которую можно окрестить «индонезийским вариантом випассаны», ибо перевод ее названия «Познание своей сущности» тоже выдает индуистский склад мышления.

Тем не менее, впервые я прибыла в монастырь за два дня до окончания шедшего там ритрита в одной из самых известных школ випассаны по системе Махаси Саядо, разработанной в сугубо тхеравадской Бирме, а здесь преподаваемой мастером из Сингапура (обучавшемся в бирманских монастырях). Кстати, годом позже я сама прошла полный курс под его руководством. А поначалу скорее мой местный гид и шофер, как водится индуист по вероисповеданию, оказался крайне заинтересован моей углубленной беседой с мастером. После он принялся выяснять у администратора, может ли он сам практиковать медитацию, вслед за чем последовала долгая беседа о тонкостях соотношения нундунзма с буддизмом, вывод из которой был однозначный: нет проблем ни для монастыря, ни для индуиста!

Не далее как в конце мая 2009 года недалеко от монастыря в поселке Калибукбук открылась отреставрированная ступа IX века под названием «Чанди Будда». В ежемесячном издании 'Ubud Community' сообщалось, что выдающееся археологическое открытие было сделано в 1994 году местным фермером на своем земельном участке, когда он чистил старый колодец. По времени эта ступа – ровесница Боробудура и служила важным священным местом для буддистов, поскольку тогда Калибукбук играл роль транзитного порта, осуществлявшего связь многих культур, принимая путешественников, следующих как из Китая в Индию так и обратно.

Посетив эту ступу, я встретила с хозяином земли, лично обнаружившим ступу 15 лет назад, а теперь выполняющим роль добровольного экскурсовода. Он рассказал мне, что сначала практически все старые стены разобрали и вывезли в музей, оставив ему только фундамент, после чего он обратился к правительству с просьбой о воссоздании ступы в ее исходном виде. Тогда государство выделило средства на отстройку новой ступы прямо на старом фундаменте, которая и завершилась совсем недавно. Этот контраст виден довольно отчетливо, а нахождение внутри ступы создает очень сильный эффект.

Местные жители быстро восприняли отреставрированное святилище как новое место для ритуалов и медитаций и стали собираться вокруг каждое новолуние и полнолуние. Сам хозяин места, непрестанно повторяя: «Я ждал этого 15 лет», – чувствует себя осчастливленным некоей божественной милостью и стремится сделать ступу достоянием как можно

большого числа посетителей. По крайней мере, в настоящее время плата за вход не взимается, как и в буддийском монастыре. Стоит добавить, что посещение этих памятников удобно совместить со спокойным отдыхом в Ловине на северном побережье острова.

Медитация – раджа и Рамана Махарши

Благодарение Господу в лице журналиста РИА «Новости» Михаила Цыганова за встречу с феноменальной личностью Агунгом Праной, сочетающим царскую родословную и изрядное богатство с поистине высокой духовностью. Поскольку его предки раджи Менгви благополучно утратили свое царство, по его словам, богатство вернулось к нему самым чудесным образом после молитвы богам дать ему возможность помогать людям. Сейчас помимо своего дворца он является владельцем множества спа и вилл, в которых я до сих пор путаюсь, но суть в другом – все его усилия направлены на то, чтобы создать максимально удобные условия для практики йоги и медитации! Так, каждый домик имеет наверху специальную комнату для индивидуальной практики медитации, а каждое спа – залы для йоги и медитации, куда он приглашает учителей со своими группами. Сейчас он озабочен грандиозным проектом создать медитационный центр на 500 человек, для которого уже приобретена земля на берегу моря с прекрасным видом из храма в горах, и он будет построен к концу года.

Хотя Агунг Прана держится довольно просто (а когда он, одетый в джинсы и футболку с кепкой, озабоченно проверяет свои постройки, его легко принять за рядового рабочего), можно без преувеличения сказать, что он играет роль также и духовного учителя. Как и всякий балиец, все свои 62 года он проводит в ежедневных ритуалах и церемониях. Но уже далеко не всякий балиец разбирается в философии адвайты, что и говорить о поездках в Индию вместе с Высшим Священником на Бали, непосредственно в Раманашрам, где им оказывали грандиозные приемы, как представителям Чистой Земли – как, оказывается, воспринимали остров Бали в Южной Индии. Пока я гостила три дня в его Таман Сари Спа на северо-западном побережье Бали, у меня была прекрасная возможность подолгу беседовать с хозяином во время осмотра его владений, за трапезами и по ходу программ – но здесь я не буду вдаваться в тонкости философии, а опишу сюжетную канву духовной программы для группы приглашенных, о каждом из которых можно рассказывать особо.

Когда я спустилась к вечеру после 4-часовой медитации из прекрасного зала в башне, Агунг Прана говорил с балийцем в белом, которого он представил мне как целителя. Вскоре подъехали два других балийских друга – политик (бывший член индонезийского парламента) и законодатель, и в ожидании других гостей началась диагностика чакр с оживленным обсуждением результатов. Целителя называли просто Мадэ (имя второго ребенка в каждой балийской семье). На удивление, по его диагностике у меня с Агунгом Праной оказались очень сходные чакровые структуры – с наиболее сильными верхними чакрами, работающими на полную мощность, и «собранными» нижними чакрами, что он трактовал в терминах духовной сублимации. Примечательно также, что Мадэ увидел мою ауру как совершенно прозрачную, или белую, что вполне закономерно: после множества випасана-ритритов я и сама чувствую себя «совершенно прозрачной». Наконец, собрались все гости – две западных писательницы, президент Балийского института и др. – всего около 12 человек.

Началось все скорее просто красиво – поездка в храм на новом участке для проведения ритуала, ужин с прекрасной танцевальной программой, за которым я смогла более часа поговорить с Мадэ через переводчика, прожившего на Бали 20 лет. Дальнейшие события, начавшиеся по темноте после 8 часов вечера, становились все «драматичнее». Нас снова разместили в машины и повезли в пещеру высоко в скале, куда вела довольно крутая узкая

дорожка, поэтому туда пошли несколько балийцев с фонарями, а гости остались внизу. Вдруг сверху раздался жуткий крик, словно кто-то сорвался и поломал себе кости, и продолжался так долго, что успел прибежать посыльный от Агунга Праны сверху, чтобы позвать всех наверх. Нашему взору предстала картина Мадэ в трансе, с всклокоченными волосами и горящими глазами, в состоянии сильной вибрации всего тела, которую он начал передавать каждому по-очереди, так что даже некоторые из западных гостей (не я) были «заряжены» настолько, что начали «завывать и трястись» не меньше целителя.

В конце концов, Мадэ стал бить себя рукой по голове с огромной силой, причем ему пришлось продолжать это очень долго, но когда его полили святой водой, он вдруг стал совсем «нормальным», и мы все поехали дальше – в храм. В храме все началось тоже с ритуала, к которым я уже привыкла, но и здесь меня тоже ждало нечто такое, чего я не видывала за семь лет в десяти азиатских странах. После ритуала Агунг Прана вдруг взял микрофон и начал петь, попросив своих гостей «танцевать от сердца». Все закружились в танце с явным упоением, однако действие это продолжалось настолько долго, что где-то через пол часа раздался очередной дикий крик – на этот раз с одной из западных женщин произошел нервный срыв, ибо столь сильные вибрации явно выбили у нее какой-то травматический блок в энергоструктуре. Мадэ скоро помог ей прийти в себя, и через пять минут они вместе смеялись, а потом половина гостей вернулась в резорт, а половина... осталась «спать в храме с духами» всю ночь до утра, включая и самого Агунга Прану.

Все вышеописанное относится к ритуальной практике, с которой по объяснению Мадэ духовная практика связана на Бали неразрывно. Что же касается принципов этой связи, то Агунг Прана обещал в скором времени представить меня Высшему Священнику на Бали, который лучше кого-либо другого может ответить на философские вопросы о медитации. Именно его портреты висят в зале для медитации в Таман Сари Спа, и именно с ним Агунг Прана посещал ашрам Рамана Махарши и готовится к поездке по Святой Ганге...

Лучшие места для практики йоги в Убуде

Вскорости Агунгу Пране пришла в голову замечательная мысль – показать мне лучшие, по его мнению, места для йоги в Убуде – резорты его близких друзей.

Напомню, что согласно классическим трактатам, «лучшее место для йоги» описывается следующим образом, например, в «Бхагавадгите»: *«Пусть йог пребывает в одиночестве в безлюдном месте, контролируя свои тело и ум, свободный от желаний и чувства собственности... Следует разместить асану (коврик) на открытом чистом месте... Это место должно быть уравновешено: не высокое, чтобы не упасть, и не низкое, чтобы не заползали змеи или насекомые, а сырость от земли не испортила здоровье...»* Итак, по мнению Агунга Праны, – вот это оно самое и есть... Команека Бисма Спа:

Как бы то ни было, хотя резорт далеко не пустует, на этой «лесной опушке» стоит почти мистическая завораживающая тишина. Дабы я могла лично убедиться, что лучшего места и впрямь не найти, Прана с Команом (владельцем) решили пригласить меня погостить пару дней на вилле, что дало мне также возможность попрактиковать в зале для йоги, пообщаться с их инструктором по йоге Харшикой, а также побеседовать с самим Команом – человеком широким и творческим во всех аспектах жизни, с весьма оригинальной философией жизни, которой он обязан во многом своему отцу Неке (отсюда и возникло само название Команека = Коман + Нека).

Коман – человек современный: 10 лет образования и работы в США и столице Джакарте, многочисленные поездки в Европу и пр. К поездке своего отца на Святую Гангу относится он с большим скепсисом вплоть до откровенного хохота. Хотя его супруга занимается йогой, и он с восторгом припомнил случай, как она вылечила асанами бесплодие у своей

подруги, самого Комана это не вдоховило. Но как всегда «суть – не в сути, а в колорите», и из последующего рассказа о его жизни стало ясно, что человек этот по-своему духовный, просто он идет вполне «балийским путем» – через творчество и социальное единство.

Началось с озарения: работая в успешно развивающейся западной компании и навещая своего отца на Бали, он заметил, что простаивая перед картинами в его галерее, он погружается в какой-то необыкновенный и несвойственный его деловой жизни покой. Эффект накапливался – и вдруг внезапно для всех он вернулся на Бали и открыл свою картинную галерею (при поддержке отца, который всегда оставлял сыну свободу выбора). Далее начались настоящие чудеса: находя совсем безвестных художников, которые ему нравились, он вывел троих в десятку лучших и самых дорогих мастеров Индонезии!

Собственно, особого желания «строить отели» у него изначально не было, но надо было селить не только своих художников, а также и ценителей искусства, прибывающих с Запада. Так появился первый резорт возле галереи в Обезьяньем Лесу, а всего их уже три. Но Команека – место особенное, поскольку она также совместное архитектурное творение Комана вместе с супругой, которая больше занимается интерьерным дизайном. И стоит она на берегу маленькой, но святой речки, текущей от прославленной Пуры Гунунг Лебах в месте слияния двух притоков немного выше по течению на той же улице.

Я не возьмусь пересказывать наш двухчасовой разговор, ибо он был насыщен деталями о всех сторонах балийской жизни, в которой Коман принимает самое деятельное участие: и банджар (собрание общины), и индуистский храм (несмотря на скепсис), и лучшая школа (где учатся его 4 детей), и забота о персонале (продвижение талантов, пенсии...). Но свое духовное развитие через живопись он выразил предельно отчетливо: реализм (материя) – импрессионизм (энергия) – абстракционизм (мышление) – наконец, выражение сущности бытия. Проработка видения и отражения устройства всех уровней реальности налицо, кто бы мог подумать!

Вернемся к йоге в узком смысле, которая на фоне богатой жизни владельца кажется совсем частным аспектом данного «места для йоги». Как-никак, а зал для йоги в резорте имеется, и при желании постояльцев практиковать приглашают лучших инструкторов из самых известных центров в Убуде. Одного из них – Харшику – попросили о встрече со мной, чтобы я могла получить представление, как у них поставлена йога. Этот молодой учитель (28 лет) имеет уже восьмилетний стаж практики и преподает сразу в нескольких местах, на удивление, включая освещенный нами ранее резорт Убуд Сари.

Харшика оказался довольно симпатичным сочетанием волевой целеустремленности и скромности. Он оказался не «цеховым мастером» одного стиля, а творчески сочетает сразу три стиля (шивананда + айенгар + аштанга-виньяса) на базе индивидуального подхода (где при подборе стратегии опирается на аюрведу), в котором также интегрирует в практику асан и пранаямы, и медитацию. Но образование его оказалось несколько ограниченным в рамках азов классической йоги, ибо он никогда не слышал ни о «Хатха-йога-прадипике», ни тем более таких слов, как «бандха» и «крия». Впрочем, учить начинающих в отелях несложно и без серьезного образования.

Второе лучшее место для йоги – в буквальном смысле «дворец» (Чокорды – князя Убуда). В целом, я передам только взгляд на эту «лесную опушку» и примерный ракурс на то место, где должен располагаться «коврик для йоги» (зал для йоги у них тоже есть, но небольшой – человек на десять, однако группу для «царской йоги» вполне можно разместить). Витиеватые террасы с роскошными виллами просматриваются с высоты. Надо отдать должное Агунгу Пране – на его просвещенный вкус Команека нравится ему куда больше, ибо царскому дворцу «недостает простоты», и там «слишком много излишних завитушек».

В завершение и с наибольшими восторгами Агунг Прана повез меня в ашрам Высшего Священника, который по сравнению с Пита Махой можно назвать «избушкой на курьих нож-

ках», настолько он маленький и затерянный. Хотя при имени Высшего Священника любой балиец сразу принимает позу совершенного благоговения, место его обитания мало кому известно, а тем более иностранцам. За исключением самых высокопоставленных – так, сюда наносил визит Джордж Буш и, по преданию, даже обнимал Священника в порыве благодарности за наставничество, которое было отнюдь не человекоугодническим!

«Чудесная тряска» в ашраме Рату Багуса

Агунг Прана в очередной раз восхитил меня широтой своих связей, а еще более того – открытостью своих взглядов и способностью к активному восприятию всего нового. Совсем недавно он завязал контакт на Бали с гуру, которого не назовешь ортодоксальным, но он чувствует его «братом», посему пригласил меня посетить вместе его ашрам. Ашрам Рату Багуса расположен прямо у подножия святой горы Агунг и всегда полон народа, который занимается исключительно тем, что «трясется» минимум по 9 часов в день. Его английский оставляет желать лучшего, хотя он много лет женат на американке, а его супруга вдохновенно и обстоятельно посвятила меня в это странное учение.

По дороге в машине Агунг Прана, наконец, объяснил мне, что «высших священников» (то есть «рату») на Бали очень много, и это означает просто священник из касты браминов, ибо здесь в отличие от Индии священник может быть из другой касты. В каждой деревне есть свой «высший священник» (а самый высший над всеми – Ида Педанда Гунунг, о котором речь шла ранее). Священником не становятся по рождению – они проходят особое образование и даже сдают «государственные экзамены», ибо правительство Индонезии надзирает за религиозными нравами народа. Итак, Рату Багус – это вполне законный «высший священник», только уж больно оригинальный! (Интересно, что балийцы на острове Ломбок следуют той же системе священства, хотя у них там совсем особый синтез индуизма с мусульманством, нигде более не виданный...)

У ворот ашрама нас встретила Мама-джи – 69-летняя западная женщина, прожившая годы в индийских Гималаях, проводя по полгода в безмолвных ритритах, и выступавшая в роли духовного учителя, а ныне обзаведшаяся домиком на Бали возле ашрама, где она совсем своя. Впрочем, она полюбила Бали после встречи с Агунгом Праной, так что они тоже друзья. Она представила нас Рату Багусу с супругой (которая, кстати, долго «зависала» в Индии и Мексике, практикуя много чего до встречи со своим будущим мужем), а они сразу же нас «окунули в воду – учиться плавать», а именно провели в зал, где народ уже собирался «трястись», раздавались раскаты хохота, безумные вскрики, а кое-кто и катался по полу... В общем, полный дурдом, однако мое весьма мягкое замечание, что это походит скорее на «психиатрическую лечебницу» было подхвачено хозяевами – дескать, так оно и есть!

Поскольку играла громкая музыка и говорить было поначалу сложно, началось с шоу – Рату Багус подзывал своих учеников, направлял на них поток энергии, после чего они в экстазе начинали выделять замысловатые мудры с мантрами, причем с рук движение переходило на все тело, которое изящно изгибаясь падало на пол и после нескольких грациозных переворотов возвращалось в положение сидя, после чего этот человек вполне нормально отвечал на вопросы и шел трястись дальше. Не прошло и четверти часа, как Рату стал учить трястись самого Агунга Прану, вдохновив его вылечить таким образом запущенный диабет. Коль скоро трястись меня не потянуло, супруга Рату позвала из толпы трясущихся англичанина, который ранее отсидел добрых 5 лет в ашраме, медитируя по раджа-йоге. Он радостно объяснил мне, что теперь он снимает «блоки» своего медитативного опыта в неподвижном положении.

Как всегда, я опускаю подробности многочасового общения одновременно с полдюжиной собеседников, которое далее продолжилось за совместным обедом. Рату передавал

Пране «заряженные» им то табак, то воду, – тот добросовестно улавливал вибрации, но его всегда опережали Мамаджи и приближенный балиец, которые на каждый жест Рату отзывались весьма экспрессивно, хотя и каждый в своем духе. На меня такие условные касания Рату оказывали действие скорее углубленного успокоения, однако и это было по достоинству оценено. Стоит подчеркнуть, что Рату считает самым главным гуру «внутреннего учителя», поэтому никакого психологического давления в плане ожиданий «фанатического поклонения» не ощущается. Там реально легко быть самим собой!

Еще один предмет общих восторгов – фото энергетических эффектов в присутствии Рату, и его супруга завалила весь стол толстыми фото-альбомами в качестве «второго десерта». На удивление, оказалось, что и Рату Багус бывал в ашрме Раманы Махарши, где его тоже очень хорошо принимали (вообще, он много ездит – скоро будут ритриты в Италии и Австралии и т. д.) Мамаджи даже почитает Раману Махарши как учителя своего прошлого воплощения, так что пиетет к глубинам покоя и безмолвия у них есть, да и в целом сам Рату скорее являет собой воплощение спокойствия посреди безумной толпы. Правда, его супруга заметила, что путь адвайта-веданты в варианте Раманы Махарши – это «пережиток старины», и в наш динамический век энергетическая медитация в форме «тряски» гораздо адекватнее. Ладно, тот великий индийский святой тоже вылез из пещеры и каждое утро в ашраме начинал с чтения газет.

Наша застольная дискуссия о взаимодополнительности «покоя и вибрации» завершилась приглашением принять участие в практике в форме 5-дневного ритрита в ашраме в любое удобное для нас время. Вообще, они меньше чем на пять дней принципиально не берут, считая более короткий срок недостаточным для того, чтобы как следует прочувствовать эффект. Поскольку Прана до поздней осени дико занят (октябрь – священный месяц на Бали, и ожидается наплыв особо приглашенных на церемонии), он «забронировал» себе место на будущее, ответно пригласив хозяев к себе в Таман Сари погостить. Хотя мне предлагали остаться хоть сразу, я вместо прямого отказа решила-таки присоединиться к Пране попозже. Заподозрив меня в намерении все обдумать, Мамаджи пошутила примерно так: «Да что думать – трястись надо!» Впрочем, мы расстались явно дружески и все переобнимались на прощание.

На обратном пути в машине я решила допытаться у Праны, а насколько он сам, честно говоря, «паранормальный». Прана признался, что он, конечно, не «видящий», но зато... «сновидящий»! И тут последовала целая история его жизни и «обогащения» – как Пране всякий раз сначала «снилось», как он покупает за бесценок в то время совсем бросовую землю, потом он это делал наяву, невзирая на удивление окружающих, и вскоре даже в еще недостроенные домики начинали проситься люди, а изобилие желающих само собой повышало цены. Все свои спа и виллы он сначала увидел во сне! Правда, он объяснил, что не бросается лепить, что увидел, сломя голову, а тщательно анализирует все «символы» сна, чтобы правильно их интерпретировать. Не случайно он попал в качестве одного из главных героев в книгу Вольфреда «Тактика надежды».

Итак, сновидения следуют...

Триумф биоэнергетической медитации

Как предполагалось, мы вернулись: вместо пяти-дневного курса Агунг Прана все же решил ограничиться индивидуальными наставлениями, однако мы с целителем Мадэ попали на юбилей.

На сей раз в ашраме царило сущее столпотворение – промеж балийцев вперемешку с иностранцами сновали юркие журналисты, а крутые киношники с центрального телевидения в Джакарте не поленились притащить даже подъемный кран, чтобы снимать с воздуха.

Несмотря на это, Рату Багус переобнимал нас всех лично и даже с ходу вспомнил мое имя, хотя я была там всего один раз и уже давно. Впрочем, до самого вечера мы его не видели, ибо в медитационном зале собралась группа балийцев для знакомства с теорией и практикой био-энергетической медитации – эдак с пару сотен человек (а всего в ашрам прибыло не меньше тысячи). Лекция была на доселе непонятном мне индонезийском языке с фрагментарным переводом Мадэ, а от практики «безудержной тряски» на сей раз отвертеться не удалось – дабы не обижать именинника.

Поскольку народ собрался совсем начинающий, то первый час тряски оказался далеко не лицеприятным зрелищем. Кроме неконтролируемых эмоциональных выплесков у многих от необычного сотрясения началась «морская болезнь»: каждую минуту кто-то хватался за горло от приступа тошноты и расталкивая беснующуюся толпу неся в душевую, откуда скоро начал распространяться еще более тошнотворный запах рвоты. Описываю, как есть, – никуда не денешься. Правда, мы переместились поближе к алтарю с благовониями, где в глубокой задумчивости сидел явно продвинутый адепт, который вместо тряски медленно закручивал пальцы в замысловатые мудры. Периодически к нам подбегали служители ашрама, вдохновляя трястись сильнее и быстрее – всеобщее безумие нарастало буквально на глазах.

Наконец, торжество началось – на удивление, с агнихотры, хотя на Бали она проводится крайне редко. В последний раз я этим делом занималась на 102-летию гуруджи в Индии, где сей древний ведический ритуал доселе рапространен. Время было подобрано так, что по мере сгущения темноты все сильнее разгоралось пламя. Однако без потрясений и здесь не обошлось: началась «смеховая медитация», которую народ тоже подхватил с радостью. Аборигенов было не так трудно рассмешить, как успокоить – балийский мальчик перед нами впал в настоящий смехо-транс и катался по земле. Ему было так весело, что даже когда началась лекция, он периодически снова закатывался в хохоте, причем, это только приветствовалось. Рату Багус мягко улыбался и подбадривал: «Смейтесь, смейтесь...».

Далее, мы вернулись в зал для воздания почестей Рату Багусу, первой из которых стала снова часовая «тряска». Народ старался от души – казалось, все предыдущее никого не утомило, а лишь еще пуще раззадорило. Для Мадэ это тоже было первое знакомство с системой, поэтому он прикладывал максимум усилий, дабы понять, что же это такое. Как он потом признался, он явно перестарался и на другой день страдал от кашля и ломоты в плечах. Однако в транс его не тянуло, и высказался он в итоге весьма умеренно, назвав это «базовым трансом» для начинающих. Суть такой оценки в том, что здесь исходно нет вхождения в тело некой сильной энергии, которая вызывает транс с сильной вибрацией тела, а наоборот, есть попытка заставить энергию вибрировать механическим сотрясением.

Наконец, завершилось все поздравительными речами и торжественной речью самого Рату Багуса. После чего он прошелся по залу, благословляя всех присутствующих на успехи в «тряске». Интересным оказался тот момент, что в речи он неожиданно начал высказываться с позиций адвайты в духе всем известного Сатья Саи Бабы, а под конец, чтобы подчеркнуть единство всех существ, даже шутливо присел посреди своих почитателей, дабы смиренно поздравить самого себя (на портрете) с юбилеем. Кстати, его портреты используются в зале во время практики для «ченнелинга» энергии от самого Рату Багуса, и процесс тряски обычно сопровождается повторением имени Рату Багуса. После столь шумного и веселого дня, честно говоря, я была несказанно счастлива снова оказаться дома в тишине и покое.

Если читатель еще помнит такой персонаж как Мама-джи, то могу сообщить, что в ее жизни произошли новые «чудеса». Ее единственный сын был болен раком, и она вызвала его в ашрам для практики. Он отказался от всякого лечения официальной медицины, а начал учердно трястись, как все, по девять часов в день. Через пару месяцев от рака не осталось и следа... Неудивительно, если вспомнить, что рак – это болезнь тонкого тела, вызванная энергетическими блоками, которые при длительной тряске удается «выбить». Впрочем, что

делать человеку вылечившемуся, не слишком ясно, разве что продолжать трястись или вернуться к обычной жизни. Сама Мама-джи (ей 69 лет) дотряслась до того, что сместилась в тонкий план настолько, что Рату Багус запретил ей покидать ашрам.

Кстати, по пути в ашрам мы отобедали в еще одном интересном месте – центре живого сознания «Нирарта», построенном англичанином Питером Врицем, который исходно является доктором философии, однако давно и серьезно углубился в духовную практику и преподает медитацию. Центр расположен в совершенно уединенном месте в горах, так что там стоит глубокая тишина и даже резвятся летучие зеленые змеи. Медитационный зал прекрасно обрудован, из него открывается восхитительный вид на речку. Пока готовили обед, мы не удержались от того, чтобы слегка «вжиться» в это замечательное место и попрактиковали прямо на берегу речки. Агунг Прана сказал, что хозяин центра – его друг и часто гостит у него в Таман Сари, правда, самого хозяина мы к сожалению не застали.

Традиционный целитель от всех болезней

Как я и обещала, возвращаюсь к теме «транса», начатой в моем житии на Бали целителем Мадэ с подачи Агунга Праны. Целитель – человек отзывчивый: стоило позвонить, как он сразу приехал, повез меня к себе домой (где у него и храм, и клиника, и семья), позвал друзей, а потом пригласил присутствовать на двух сеансах целительства. Итак, мы провели вместе два вечера – оба раза он отвозил меня домой уже за полночь, и если в первый день мы детально общались «по теории», то во второй – исключительно «практиковали»... Хотя наши встречи изначально обещали продолжиться по разным поводам, предлагаю пока познакомиться с общим ритуалом очищения.

Сам Мадэ называет себя «сверхнормальным» (paranormal), как впрочем с очевидностью его воспринимают и балийцы – народ идет в его скромное жилище по благоприятным дням со всеми «ненормальностями» непрерывным потоком. Проводить ритуалы помогает супруга (так положено!), переводчиком «работает» дочь-ст – дентка (будущий менеджер по туризму), а сын еще маленький его все это изрядно забавляет. В доме царит обстановка деревенской простоты, радушия и веселья, там очень быстро чувствуешь себя «как дома».

Общий комментарий к предыдущему сюжету с трансом (разговор получился слишком детальным – просто в силу моего опыта работы как в психушке, так и с экстрасенсами). Транс всегда организуется другими людьми, которые в него вводят и выводят. Сначала призывают божество – даже в храме может войти высший дух (сверху через голову) или низший дух (снизу через ноги). Целителю в трансе задают вопросы (роль вопрошающего тогда играл Агунг Прана), а он передает транс окружающим для исцеления. Причем, он в этом процессе вполне сознателен, то есть понимает, кто перед ним находится. Когда дух покидает тело и транс кончается, у целителя начинается дикая головная боль (отчего Мадэ и колотил себя по голове так долго), а святая вода снимает боль, как будто ее и не было. Занятно, что та американка во время храмового танца вовсе не закатила истерику, – Мадэ признался, что он тогда сам призвал в нее дух храма, и она реально впала в транс. Скоро намечался большой групповой транс в храме, куда меня тоже обещали сводить.

Забавно, но среди богов у него на алтаре – фото Сатья Саи Бабы. Мне еще Агунг Прана раньше сказал, что у него много преданных на Бали. Когда же Мадэ и его друзья узнали, что я не только была в его ашраме трижды (1996, 1998, 2001), но и дважды беседовала с ним лично, на меня посыпались вопросы, и мы слегка отклонились от темы (как и теперь). В тот же вечер мне довелось помедитировать в домашнем храме вместе с Мадэ – надо сказать, это «место силы» работает замечательно. Спустя полтора часа Мадэ решил снова проверить мои чакры. Результат его поразил: на каждой чакре «инструмент» неизменно выдавал максимальный диапазон раскрытия, а дойдя до нижней чакры Мадэ посмотрел на меня

с удивлением и произнес: 'Perfect!' (совершенство). Когда я в шутку заметила, что русские читатели в прошлый раз требовали сертификат об идеальной чакровой структуре, он долго хохотал и заключил: «Бог все видит!».

Ритуал очищения начинается с установления количества цветов для данного человека – это связано не с текущей болезнью или проблемой, а с его «кармическим статусом» в соответствии с прошлыми воплощениями. Пациент и целитель сцепляют руки и ноги, чтобы второй мог «считать» информацию с первого и назвать цифру. Нужно количество разных цветов замачивают в большом сосуде на час, пока целитель проводит диагностику чакр пациента, чтобы уточнить энергетическую структуру проблемы. В тот вечер у него были два балийца-пациента – и один и тот же ритуал проходил совершенно по-разному, хотя общая схема церемонии сохранялась, она была гибкой в зависимости от ситуации. Надо сказать, само очищение сильно напомнило мне годовую работу с экстрасенсами 15-летней давности, только там мы работали с христианскими иконами. В принципе, во всех традициях эти схемы похожи, просто в блоге не место для сравнительного анализа. Впрочем, мне не составило труда вспомнить молодость и начать диагностировать чакры, легко освоив инструмент для диагностики, к общему восторгу присутствовавших.

История болезни № 1 – депрессия в результате черной магии. Пациентом был молодой человек, который переработал на свою транспортную компанию до умопомрачения, и его невеста решила сводить будущего супруга, который становился все мрачнее, к целителю. Держался он приветливо, но явно наигранно, пытаясь шутить над своей депрессией. Когда же Мадэ начал ритуал и вылил на него первый ковш цветочной каши, шутки кончились, и юношу начало буквально «крутить» и «карежить». Его сильно рвало, тело били судороги, поэтому к Мадэ подскочил бывший в гостях помощник-паранормал (на фото в черном), хотя он зашел просто по дружбе и работать не собирался. Они буквально «выдирали» из бедняги всякий негатив, а затем отправляли его в Землю на «переработку» – на двух фото видно, как помощник колотит ладонью по полу, чтобы сущности не разлетелись и не вселились в кого-то из присутствующих. Наконец, крутить его в целом перестало, и пошел завершающий этап церемонии с закреплением позитива – запечатывание ауры, завязывание защитного шнура и пр. Состояние его явно переменялось – к сожалению, я не засняла его лицо после ритуала, когда он уже не натянуто улыбался, а совсем наоборот, не мог сдерживать расплывающиеся губы в блаженной улыбке, чего и сам смущался... Впрочем, Мадэ сказал, что до полного очищения еще далеко и велел ему приходить снова.

История болезни № 2 – хроническая бессонница. Пациентом был не кто иной, как дядя Мадэ, владеющий спа в курортной Куте, где совсем лишился покоя от безумных туристов. Для него это был уже четвертый ритуал с интервалом в два месяца: всякий раз он получал облегчение на время, но потом бессонница возвращалась. По его словам, в первый раз он воспринимал поток воды как «черные чернила», а с каждым ритуалом вода становилась все «светлее». Во время этого ритуала он держался спокойно и привычно, но результат тоже был довольно явственно виден – после он расслабился, стал гораздо общительнее и добродушнее. Но все-таки предприимчивость его не покинула, и он поделился со мной своими планами организовывать спец-туры от своего спа в Куте на целительство к племяннику.

В кругу семьи и друзей целителя Мадэ

Коль скоро целитель Мадэ пришел к выводу, что я ему не просто друг, а «член семьи», спектр нашего общения значительно расширился – это и обмен опытом в практике йоги, и поездки с друзьями в храмы, и выезд всей семьей в «родовую усадьбу»... Временами он впадает в транс и начинает завывать, но я уже привыкла, на основании чего он уверяет меня,

что я вовсе «не русская, а балийка». Вообще, балийцы воспринимают транс с не большим удивлением, чем если бы молчащий человек заговорил!

Как всякий балиец, Мадэ – творческая личность, поэтому и к йоге подходит творчески... Взяв за основу шивананда-йогу, он составил шесть комплексов асан, старательно усвоив принципы настроя на расслабление, расстановки вдохов и выдохов, выдержки асаны на счет и прочее. Однако знакомые мне асаны не только сменяются в непривычном, хотя и логическом порядке, но и перемежаются «диловинными» элементами. Всякий раз, завидя, как у меня начинают расширяться глаза, например, при виде странного махания рук с топанием ногами, Мадэ поясняет: «Это балийское – птица полетела». Йога нужна ему не просто в качестве физухи, а как элемент энергетического целительства, поэтому он вполне тщательно отстраивает не столько физическую форму, сколько состояние духа, что ценно!

И вот мы снова в знакомой компании – юноша, которого еще недавно «отмыли в цветах» от депрессии, похож на принца в белоснежной одежде за рулем новенькой машины, в которой сидят тоже разнаряженные для поездки в храм Лемпуанг его невеста, два других целителя (и тот, что был в черном, тоже в белом), а всего восемь друзей, не считая нас с Мадэ. По пути делаем краткую остановку в любопытном храме Гоа Лавах, устроенном в пещере летучих мышей, но путь наш лежит на самый восток Бали – в храм XI века, посвященный Ишваре. Посещение балийского храма в качестве «туриста» несравнимо с проведением ритуала вместе с балийцами. В буквальном смысле слова «камни оживают»! Впрочем, поначалу все прошло без эксцессов, только одна женщина качалась и зевала, и поскольку дело шло к вечеру, я наивно решила, что все закончилось, но не тут-то было...

На обратном пути машина вдруг свернула на узкую дорожку и стала подниматься в гору, замысловато петляя, так что я моментально потеряла ориентацию. Мадэ объяснил, что мы едем во второй храм Далем Лемпуанг, посвященный Атману (или, по простому, предкам). Наконец, машину пришлось оставить и продолжить подъем вверх по лесу, погруженному в густые вечерние облака. Неудивительно, что в такой глуши храм оказался закрыт. Мадэ вызвал священника по мобильнику, в ожидании которого нам пришлось провести больше часа в сгущавшихся сумерках. Впрочем, компания собралась веселая, и мы не скучали. Священником оказался предельно спокойный и мягкий юноша, который, казалось, вовсе не торопился провести ритуал до темноты, а делал все с чувством, толком и расстановкой. На удивление, я узнала от Мадэ, что он был... шудрой по касте, но священником от Бога!

И вот тут началось... после того как священник вывел отдельно трех человек за ворота и они вернулись, одна из женщин (тоже целительница) вдруг начала громко вздыхать, потом поднялась в беспамятстве с воздетыми вверх руками и явно потерянным чувством ориентации в пространстве, поэтому к ней сразу подскочили Мадэ с другом-целителем и стали проводить ее по кругу от одного алтаря к другому. Когда ее довели до главного алтаря в центре, она была очевидно обессилена, но после орошения святой водой быстро пришла в себя. Однако сидевшая рядом с ней перед алтарем другая женщина, наоборот, начала странно хихикать и дергаться, чем повеселила даже Мадэ, хотя он шепнул мне, что это тоже начало транса. Она не вставала, а то протягивала руки к алтарю, то практически без сознания падала на руки сидевших вокруг нее людей, внимавших ее бормотанию...

Когда всех по очереди окропили и напоили святой водой, я снова было решила, что все закончилось, но теперь в транс впал сам Мадэ – я слышала уже знакомое по Пемутерану «завывание», заставившее балийцев резко поменять отношение к нему с дружеского на благоговейное. Как пояснил один балиец, тело Мадэ превратилось в божественное, и его действия воспринимались как веления свыше. Одна женщина пала ему в ноги, тогда как мужчина задавал ему вопросы со сложенными в молитвенном жесте руками, тоже стоя на коленях. Остальные стояли вокруг и внимали, только второй целитель по-свойски пару раз «поймал» Мадэ и вернул к алтарю, когда его стало «заносить» в транс в сторону, где он мог

легко упасть и покалечиться. Но стоило побрызгать на него святой водой, как он снова стал вполне «нормальным», сказал «нет проблем», и мы пошли вниз с фонариками.

Не прошло и двух дней после того, как Мадэ привез меня к полуночи обратно в Убуд, как мы всей семьей собрались на гору Батукару, где у них есть старый дом, играющий роль родовой усадьбы. Оказалось, что у него в роду очень много священников, и вместе с его братом мы первым делом пошли в храм, где нас уже ждала целая толпа деревенских жителей, жаждущих набрать святой воды из храмового источника (что без брата Мадэ они не могли сделать, ибо это тоже своего рода церемония). На сей раз обошлось без транса, а дома нас ждал замечательный обед, который мы поглотили прямо на кухне возле очага: просто решили не переносить блюда на веранду под непрерывным дождем. Кроме дочери Мадэ по-английски говорил только родственник, который работает с туристами в Куте. Но, благодаря двум переводчикам, общение получилось на славу – все остались довольны.

Тантра – жертвоприношение предкам

Продолжая тему транса, я обращаюсь к аутохтонной балийской тантре – то есть ритуальному жертвоприношению с реальным утоплением животных (коров и уток) в священном озере Тамбинган после церемонии в храме богини Ганги на его берегу. Вторая часть ритуального действия происходила уже в узком родовом кругу в маленьком святилище посреди глухого леса, куда пришлось брести ночью в горах, еще и под дождем. В полном мраке нас ожидал очередной транс с неожиданным сюжетом «откровения»...

Церемония жертвоприношения предкам проводится раз в три года родовыми кланами двух балийских округов на западе Бали. На нее собираются все священники (главным опять оказался брат Мадэ, но уже другой) и присутствует даже царственная особа. Храм полностью заполнен толпой народа, съехавшегося на десятках машин и автобусов. Все началось, как обычно, с ритуала, который затянулся с отступлениями на пару часов. Затем стали снаряжать коров и уток – первым на рога надели золотые наконечники, вторых увили странными гирляндами. Священство взялось за веревки, Мадэ встал впереди с шестом, и вся процессия двинулась в обход храма, волоча несчастных жертв на заклание.

Страсти начали накаляться – коровы рвались из пут, люди впадали в транс, музыка стала громче... Наконец, вся толпа ринулась из храма на берег озера вслед за Мадэ и родичами, которые стали рассаживаться по лодкам и отплывать чередой от берега. В очаровательных балийцах начала просыпаться древняя кровь языческих аборигенов, жаждущих крови... Поначалу толпа быстро оттеснила меня на задний план, но один из родственников Мадэ провел меня на самый берег, откуда, впрочем, уже мало что было видно даже в камеру – все-таки озеро довольно большое. С очевидностью, дарственных коров выволокли в плывь на самый центр озера, где их утопили баграми. Мадэ потом признался, что он плакал...

Впрочем, как бы ни было жалко коров, а предков надо кормить хотя бы раз в три года! Лодки не возвращались мучительно долго – наверное, более часа, пока не совершили все положенные ритуалы и не описали три круга по озеру. По возвращении Мадэ изменился энергетически до неузнаваемости – он был заряжен силой, так что его трясло и тянуло в транс, но он сознательно сдерживался. Все-таки он был с шестом, которым в трансе мог бы поранить как себя, так и окружающих, да и поломать всю процессию. Более того, ему еще предстояло более часа вести машину к другому храму в лесу, куда мы отправились уже в узком семейном кругу, несмотря на то, что дело шло к вечеру и начинало темнеть.

Последовательность этих ритуалов была совершенной прямой – второй храм, несмотря на удаленность, стоял на источнике, который проистекал по верованию балийцев из того же самого озера, в котором только что утопили коров. Находился он в горах, и идти до него, а точнее спускаться в долину по крутой извилистой тропе, пришлось медленно и долго

из-за начавшегося дождя. Ноги скользили по траве и глине, но балийские женщины и здесь умудрялись нести все ритуальные принадлежности на голове, сохраняя равновесие. Мы дошли уже в полной темноте, а в храме нас уже ждали другие родственники, чтобы начать ритуал. Перед святилищем натянули тент, все расселись и началась настоящая мистерия.

Я уже успела поверить Мадэ, что в транс он входит не собирается, как вдруг он подошел вплотную к алтарю и отскочил от него с уже «привычным» мне диким воплем. Это было слишком «не-сценично» по ситуации, но племянник Мадэ шепнул мне, чтобы я снимала. Между Мадэ и вопрошающим разворачивался странный сюжет: он был в гневе настолько, что в конце концов схватил горсть земли и залепил своему родственнику в лоб, отчего тот откинулся назад на руки женщин – тоже в транс. Конечно, диалог был по-балийски, но племянник перевел мне, что суть в том, что боги требуют не забывать проводить ритуалы на этом месте, вот Мадэ буквально и запечатлил «землю» в «память» своему дядюшке.

Транс стал превращаться в общение всех со всеми, и брат Мадэ (священник) повернулся ко мне, чтобы добавить что-то к объяснениям племянника. Но в этот самый момент по моим ощущениям на нас рухнуло бревно, заодно сорвав угол тента. После первого шока настал второй – я увидела, что это было вовсе не бревно, а сам Мадэ, который рухнул уже без сил – не подгибая колени, а всем телом, прямо на нас. Его сразу подхватили и стали приводить в себя, причем весело переговариваясь, так что я расслабилась: явно ничего страшного, хотя сначала мне показалось, что с Мадэ случился сердечный приступ. Еще несколько минут, и все кончилось – все деловито стали сворачивать тент и возвращаться.

Подниматься в горах всегда проще, чем спускаться, поэтому обратно мы дошли даже быстрее, тем более что Мадэ стал совершенно нормальным и снова с невероятной силой тащил меня вверх за руку. Дома нас ждали дедушка с бабушкой и роскошный ужин на всю семью, который после всех приключений был поглощен в мгновение ока. На самом деле, и это было бы еще не все – ибо в балийской программе значилось... ночное бдение аж до трех часов утра. Однако Мадэ решил, что с меня довольно, и взялся отвезти меня обратно в Убуд. Два часа в машине по горной дороге ночью под проливным дождем – что уже само по себе экстремально, а с Мадэ за рулем и тем более, но мы все-таки доехали!

Мадэ проводил для меня отдельно чтение кармы – к моему удивлению, я не подвизалась в монастырях, а нередко принадлежала к царскому роду и была духовным советником во дворцах либо наставником в народе, а мои книги доселе хранятся в библиотеках... Ладно, это «лирика».

«Мастер воли» под маской «охранника»

Я снова возвращаюсь к темам транса и целительства, начатым в моем житии на Бали целителем Мадэ с подачи Агунга Праны. Теперь речь пойдет о давнем друге Мадэ – целителе Агунге Оке, который ранее уже всюду присутствовал на «втором плане». Он довольно долго ко мне приглядывался, что за иностранка такая, и только при поездке в Пуру Рамбат Сиви перестал «прикидываться» и проявил свое истинное лицо – начал сам вести ритуалы и входить в транс, а потом пригласил в гости для личного общения.

Когда я присутствовала на сеансе очищения в доме целителя Мадэ, там появился некий на вид «разбитной малый», только что с дискотеки в Куте и слегка навеселе, так что я не слишком поверила, когда Мадэ представил его как «целителя». Правда, стоило начать ритуал, он очень быстро «протрезвел» и довольно-таки по-деловому расправлялся с невидимыми сущностями, мгновенно реагируя на каждое изменение пациента, которого буквально крутило и выворачивало наизнанку. Именно он работал над их нейтрализацией, загоняя мощными ударами в землю. Впрочем, наш разговор тогда свелся к шутке с его стороны: «Ты окей, я окей, – давай двинем в Диснейленд»... И я о нем быстро позабыла.

Впрочем, во время поездки в Пуру Лемпуанг он снова оказался среди друзей Мадэ. Хотя он и переоделся в традиционные белые одежды и держался с таким достоинством, что я поначалу его просто не узнала, и вспомнила, только когда нас заново «познакомили». Он был в основном погружен в процесс ритуалов, но когда начались впадения в транс – сначала двух женщин, а потом самого Мадэ, он явно лучше знал, как с ними обращаться, нежели благообразный юный священник. Лед слегка тронулся, когда он посмотрел фото наших занятий йогой с Мадэ и заявил, что он и сам тоже практикует асаны и готов у меня учиться. Впрочем, дальше шуток дело опять не пошло, да и у меня интереса не возникло.

Но вот в Пуре Рамбат Сиви мы оказались в довольно келейной компании – нас было всего шестеро, причем наиболее близкие друзья, так что Агунг Ока, наконец, пришел в вывод, что я там тоже не случайно, а посему вдруг взялся вполне серьезно мне все объяснять и показывать. Этот комплекс, где главный храм посвящен богине Шри, состоит из целых четырех храмов, поэтому целый день у нас шли ритуал за ритуалом. На Бали уже вовсю идет сезон дождей, но это никого не останавливало – не обращая внимания на насквозь промокшую одежду, балийцы вдохновенно совершали подношения, бормотали мантры и медитировали перед алтарями. С женщиной опять случился транс в виде полу-обморока.

В третьем храме в роли священника выступал сам Агунг Ока, и я опять увидела его в инаковой ипостаси – он реально вкладывался всем своим существом в богослужение. В завершение все стали после него по очереди вставать на колени перед главным алтарем, и он объяснил мне, что это храм богини, надзирающей за всем Бали, и если я хочу, то могу помолиться за остров. Но тут же добавил, что это не обязательно, – и по его тону было очевидно, что для него это действительно священо, так что меньше всего ему нужно чье-то лицемерие. Я не замешкав опустилась на колени, ибо нет большего греха, чем гордыня, а за Бали и сам бог велел молиться. Благодарность богов не заставила себя ждать.

Проведя последнее благословение и приняв его сам, неожиданно для меня Агунг Ока впал в транс. Это произошло в совсем иной манере, чем все доселе виданное – при касании к его лбу он внезапно издал резкий короткий крик, словно рывкнул, и его лицо собралось в складки, наподобие бульдожьей морды. Однако кусаться он явно не собирался, ибо по его лицу сразу потекли слезы. При его характере это казалось просто невероятным! Балийцы обрадованно стали задавать вопросы, пользуясь случаем поговорить напрямую с богами. Мадэ мне после перевел, что в целом боги нами довольны. Занятно, Агунг Ока вышел из транса так же резко, как и вошел в него – я даже не успела вспомнить о фотоаппарате...

На прощание Агунг Ока пригласил меня в гости и принять участие в проводимой лично им ночной церемонии (это последует в ноябре). Спустя неделю (на пути из йога-клуба в храм Улувату) я попросила Мадэ заехать в Куту, где Агунг Ока радушно принял нас дома и за кофепитием рассказал свою весьма занимательную биографию. Паранормальному искусству без всякого названия его обучил дедушка в детстве, а основу его составляло вполне классическое самопознание. Однако повзрослев, юный адепт погрузился в разгул, благо энергия требовала выхода: он постоянно с кем-то сражался, гонялся за женщинами, много пил, а работал не иначе как охранником, где тоже всегда можно вдоволь подраться.

Наконец, он «отвоевал» себе некую австралийку, на которой даже серьезно женился и на добрый десяток лет перебрался в Сидней, занимаясь бизнесом и воспитывая сына. Но семейные баталии кончились тем, что он там сам себе все порушил и вернулся на Бали. И тогда начались чудеса – дедушкины благословения вдруг ожили, и от его прикосновений стали излечиваться люди. А балийцы такие вещи подмечают, и к нему стали обращаться за помощью уже намеренно. Он никому не отказывал, да и платы не требовал. Далее он вернулся к ритуалам, которые восстановили присущие ему паранормальные способности, которые в отличие от «очищения» Мадэ характеризовались аспектом «передачи силы».

После некоторых колебаний Агунг Ока даже решился показать мне некоторые «предметы силы», которыми он явно дорожит. Сначала камень, извлеченный из зарезанного петуха, который продолжал жить с отрубленной головой – оказалось, его оживлял камень внутри, не то проглоченный, не то откристаллизовавшийся. Далее последовал магический посох дедушки очень странного вида, и Агунг Ока вдохновился дать мне его почувствовать. Но он сделал роковую ошибку – настраивая мои руки на расстоянии от посоха, он доверил держать посох вертикально Мадэ... Не успела я настроиться, как Мадэ стало трясти с такой силой, что посох пришлось быстро у него отобрать и вынести в другую комнату.

Как обычно, проговорили мы добрых пару часов, и я опускаю все подробные объяснения самого Агунга Оки, каким образом эта магия работает в целом. Тем более что на практике он обещал мне все лучше показать во время ночной церемонии в полнолуние. Поскольку он продолжает работать с туристами в Куте – самом «развратном» балийском курорте, я спросила под конец, а занимается ли он целительством для туристов. Агунг Ока сделал такую гримасу, что стало ясно, что клиенты даже не догадываются, с кем имеют дело...

Балийский гуруизм, или духовный туризм

Прошел еще почти целый месяц – и прошел он как сплошной калейдоскоп сотен людей из множества тургрупп, организуемых западными «гуру» и привозимых к Агунгу Пране, где я и провела большую часть времени. Все это было бы ничтожной «суеой суеой», если бы участие в проводимых мероприятиях не позволило побывать на церемониях во множестве храмов и встретиться с десятками выдающихся балийцев – здесь речь пойдет в основном о них, а не их клиентуре.

Став частым гостем во владениях Агунга Праны я лучше познакомилась с его огромной семьей, все члены которой оказались необыкновенно одаренными. Так, сестра жены и старший сын часто погружаются в транс, отец невестки – доктор психологии и известный учитель трансцендентальной медитации, у которого несколько тысяч учеников по всей Индонезии, а новорожденный внук был признан перевоплощением риши Маркандеи, который в глубокой древности и привез на Бали индуистскую культуру с Явы. Младший сын принимает деятельное участие в организации множества духовных мероприятий. Ни одно событие в жизни семьи не обходится без участия целителя Мадэ: множество сеансов транса, ченнелинг разных богов, преподавание йоги, проведение церемоний, посещение больных, проведение очищений – постепенно я стала втягиваться в его деятельность.

Одна из выдающихся балийских мастеров транса Аю Чантик – имя которой переводится как «Распрекрасно Прекрасная» – имеет множество последователей на Бали благодаря своей способности не только входить в транс, но и вводить в транс других людей с целью исцеления. Еженедельные программы в ее ашраме начинаются обычно с танцев, которые органично переходят в транс. Сама она проводит ченнелинг китайской богини Гуань Инь, хотя этим ее репертуар не ограничивается, а ее пациенты чаще впадают в низшие формы транса, дублируя своим поведением животных или легендарных героев. Впрочем, такое временное перевоплощение позволяет им снять энергетические блоки и исцелиться.

Когда мы проводили церемонию в храме Батукару, жена священника позвала Мадэ домой для исцеления... самого священника. Кебаян Лингсир оказался вовсе не жертвой старости, а подобием «слепого провидца». Согласно чакровой диагностике, он начал терять зрение оттого, что вся энергетическая структура была ориентирована на связь с Богом, а обычные глаза стали атрофироваться за ненадобностью, ибо Бог являл ему все, что нужно видеть. И супруга у него непростая – он считал себя недостойным такой красивой и добродетельной женщины, но ее привели к нему всей деревней. Обнимая меня при прощании, она

глубоко вздохнула и расплакалась – Мадэ объяснил, что она почувствовала чистоту моей ауры.

Наконец, произошла встреча с Высшим Священником Бали – Идой Педандой Гунунгом, на фестивале медитации в Убуде, среди организаторов которого был Гунвах – младший сын Агунга Праны, поэтому мы с Мадэ автоматически оказались в числе почетных гостей. Речь священника касалась медитации вообще, но среди приглашенных был некий Мило – итальянец с 30-летним стажем проживания на Бали, который проходил последовательный курс медитации под его руководством и смог объяснить мне технику. Это медитация на божестве Шиве с соответствующей мантрой, разделенная на 3 месячных этапа с постепенным углублением, которое он проводит лично для избранных учеников и последователей.

Поскольку на Бали одни священники, балийцы с необыкновенной легкостью принимают в качестве «гуру» даже западных учителей. Среди таких странных персонажей у Агунга Праны побывали американец Алан Гудмен с женой и другом – большие любители транса (проведя 20 лет с малоизвестным индийским гуру в США, он преподает там физику, а на Бали представляется как Аватар Ганеши); австралийка Ишира с титулом Махадеви (Великая Богиня), 20 лет назад получившая прибежище у Далай Ламы, но исповедующая универсальную духовность; целительница Роуз из Европы, в средневековья сожженная католической церковью за ведьмовство, а ныне восставшая из пепла; и многие другие. Совершенно экзотичным для Мадэ оказалось появление представителей из Российского культурного центра в Джакарте. Не ставя себе целью досконально описать всех встреченных мною людей, на этом я остановлюсь.

Ритуал очищения в индуистских храмах

Ритуальное очищение обязательно перед входом в индуистский храм для проведения церемонии, но оно может быть и главной целью посещения отдельных храмов на Бали. Небольшие родники есть почти при каждом храме (иногда используют только окропление святой водой), а мощные природные источники становятся центром храмов для омовения.

Омовение – это не просто купание, а именно ритуал очищения, который необходим как в случаях болезни и тяжелой ситуации, так и перед торжествами и – адостными событиями. Балийцы проводят церемонии трижды перед погружением в источник, в процессе омовения и после выхода из воды в главном храме. Сами церемонии представляют собой молитвенное обращение к богам с цветами в сложенных ладонях и приношение даров.

Самый известный храм на источнике, куда приходят прежде всего с целью очищения, это Тиртха Импул в полутора часах езды на север от Денпасара. Вода стекает в огромные бассейны через множество небольших источников. Благодаря красоте и святости этого места, на горе возле храма устроил свою резиденцию первый президент Индонезии. Сами балийцы приходят обычно большими семьями, и территория храма всегда полна народа.

Перед входом в воду снимается вся одежда, кроме шарона (широкого полотна длиной два метра), который мужчины наматывают на пояс, а женщины завязывают над грудью. В Тиртха Импуле надо пройти через множество источников в двух бассейнах, помолившись перед каждым, погрузившись в него с головой и испив воды (11 маленьких глотков). Среди них два особых предназначены для омовения трупов, а живые их пропускают.

Омовение может ощущаться как душевное облегчение и духовное раскрытие, но оно может оказаться и экстремальным опытом. Я неоднократно видела, как балийцы впадают в транс прямо в бассейне, несколько женщин теряли сознание под струей воды, другие оставались под водой так долго, что обеспокоенные родственники силой вытаскивали их обратно, а иные (пришедшие для исцеления от болезни) закатывали настоящие истерики.

После омовения следует переодеться в сухую одежду (тоже традиционную, но уже не один только шарон) и провести церемонию в главном храме. В Тиртха Импуле обычно есть священник, который читает молитвы и окропляет молящихся святой водой. Впрочем, при его отсутствии балийцы проводят церемонию сами, хотя в важных случаях им приходится ждать священника хоть часами – терпение балийцев воистину безмерно.

Менее известное место для омовения – небольшой водопад возле деревни Тегалаланг в получасе езды от Тиртха Импула. Там нет бассейна, а просто сверху скалы бьет три очень мощных струи, под которые балийцы встают в полный рост с головой, причем проводят под водой зачастую очень долго. Храм тоже очень маленький – священника там почти никогда не бывает, и при желании правильно очиститься его следует привезти с собой.

Балийцы исключительно толерантны, и если вы делаете все в соответствии с традицией, то никто не будет вам препятствовать в намерении совершить такое омовение. Другое дело, что изучить все тонкости иностранцу довольно сложно, поэтому без священника ему уж точно не обойтись. Туристов обычно привозят просто посмотреть, как это делают сами балийцы, однако у нас уже есть опыт проведения туров с полным погружением в воду.

Ритуал очищения через окропление святой водой принимает самые разные формы у балийских целителей. Я уже писала об одной из таких креативных версий, когда в большом сосуде с водой настаивается груда цветов, а потом эта цветочная каша под молитвы выливается на пациента. Эффект такого очищения сравним с ритуалом в храме, да и проводится он обычно в домашнем храме или непосредственно перед храмом.

На Бали также считаются священными океаны и озера, а ритуальное омовение в океане даже проводится как праздник. С целителем Мадэ мы проводили церемонии омовения в океане индивидуально для желающих. В таком случае после ритуала подношение остается на берегу, освящая участок океана прямо перед ним, и нужно находиться в воде не менее часа. Хотя ритуал выглядит просто, прошедшие очищение испытывают облегчение.

Традиция ритуального омовения, разумеется, пришла вместе с индуизмом из Индии. Аналогом полного погружения в воду могут послужить горячие источники в высокогорье Гималаев, например, одно из важнейших мест паломничества – Бадринатх (храм Вишну). Многие садху сидят днем в таком бассейне часами. Для паломников пройти омовение тоже необходимо, чтобы очиститься после тяжелой дороги перед входом в святилище.

Интересно также, что храмы на балийских источниках обычно посвящены богине Ганге – священной для индуистов реки в Индии. Там существует традиция паломничества к истоку Ганги, вытекающей из-под ледника на высоте около 4000 метров. Правоверные индуисты не мешкая полностью раздеваются, чтобы погрузиться в святой исток, хотя вода в буквальном смысле слова ледяная, а некоторые садху живут на леднике в пещерах.

Омовение в Ганге совершают также в других святых местах, расположенных ниже по ее течению. Целые толпы паломников наводняют два легендарных городка – Ришикеш и Варанаси. Первый служит отправным пунктом для Чатур-ятры – паломничества в четыре главных храма в Гималаях (об этом речь пойдет в следующей главе), перед которым нужно омовение. А второй – это всеиндийское чистилище, где на берегу полыхают кремационные костры, а пепел сбрасывают в Гангу.

Ритуальное омовение исторически предшествует медитации, что особенно хорошо видно на примере буддийской випассаны (просветления), где сам «человек» воспринимается как «поток» состояний, которые протекают сквозь него, тогда как он сам «пустой» – то есть «чистый». Обнаружение чистого основания происходит в буддийской медитации, а ритуал омовения помогает верующему достичь этого состояния в балийском культе Шивы-Будды.

Хотя мне предпочтительнее практика медитации, я с удовольствием совершаю малу-каты, обучая в свою очередь балийцев випассане, к которой они естественно восприимчивы.

Паломничества на святые горы

В индуизме паломничество к святым местам остается важнейшим религиозным долгом. Миллионы людей совершают чатур-ятру в Гималаях, невзирая на смертельную опасность. На Бали тоже все вулканы считаются священными, на вершинах гор обычно расположены храмы или небольшие святилища, куда и балийцы совершают шествия с подношениями.

Паломничество – это не трекинг! Прямо наоборот, оно имеет противоположную цель и должно совершаться в ином состоянии ума. Горные походы служат просто демонстрацией физической силы и венчаются горделивым заключением: «Я смог это сделать!» Тогда как паломничество к святым местам предполагает жертвоприношение физической силы Богу с благодарением за Его милость, позволяющую достичь Его обители. Это ритуальный акт единения с Богом, и балийцы относятся к горам совсем иначе, нежели западные туристы.

Чатур-ятра в Гималаях состоит из посещения 4-х древних важных храмов в высокогорье, расположенных на высоте около 4 000 м. Снег сходит в этих краях всего на несколько летних месяцев, поэтому с наступлением паломнического сезона миллионы индийцев со всей Индии устремляются целыми семьями в горы. Стартуют они из Ришикеша – «города мудрецов» в подножиях Гималаев (где я прожила несколько лет), посещая сначала истоки Ямуны и Ганги, а затем храмы Шивы и Вишну.

На Бали лето круглый год, поэтому паломничества совершаются в соответствии с лунным календарем в зависимости от необходимости проведения церемоний. Повсеместно на те же вулканы туристам предлагают совершать трекинги в сопровождении гидов, просто для того, чтобы полюбоваться на восходы и закаты или заглянуть в жерло вулкана (кстати, на прошлой неделе в кратере Батура погиб европейский турист). Вместе с Мадэ, который сам является индуистским священником, мы совершили паломничества уже на три вершины.

Гора Агунг – высочайшая (3 142 м) и самая священная на острове, у ее подножия высится главный индуистский храм Бесаких, откуда паломники начинают восхождение. Впрочем, есть более короткий путь, хотя и по более крутому склону и почти без дороги, именно им мы воспользовались вместе с Андреем Спириным (Петербург), на счету которого немало покоренных вершин по всему миру. Подъем и спуск заняли у нас всего 8 часов – начали засветло и спустились в сумерках, причем обратно – кувыркаясь под проливным дождем.

Перед подъемом мы совершили церемонию в храме, оставив там подношение с фруктами, но поскольку подниматься в саронгах неудобно, повязали только символические пояса поверх спортивной одежды. Половина подъема покрыта лесом, а вторая половина – это уже обнаженная лава, где надо заниматься буквально скалолазанием. Более того, там орудуют стаи диких обезьян, спускающая сверху камни, пытаясь помешать вторжению в свои владения. Зависая над провалами под бамбардировкой, мы добрались-таки до... конца света. Иначе не назовешь. Поскольку вместо вершины – вулкана круговая кромка кратера, то эффект был сильный подобравшись к краю, мы уставились в настоящую туманную бездну, где не проглядывало никакого дна и более того, сама кромка оказалась нависающей над этой бездной, создавая эффект возможного облома и полета в пустоту. Холодина была вполне гималайская, как и положено на высоте 3 000 м. Скрашивали этот поистине лунный пейзаж лишь многочисленные коробочки с цветочными подношениями.

Гора Батукару гораздо менее известна любителям трекингов, поскольку она полностью покрыта лесом, хотя высота у нее тоже внушительная (2 276 м). Мадэ родом из деревни у подножия Батукару, поэтому на нее он поднимался неоднократно с молодости вместе с процессиями. На вершине горы расположены открытое святилище и небольшой храм. Мы

ходили туда вместе с Евгением Никитским и его другом из Москвы. На спуске нам опять повезло на ливень – мы скорее «сплавлялись», чем спускались.

Не настолько экстремальной, но более качественной в «культурном» отношении была проведенная нами ранее тиртха-ятра – паломничество за святой водой по трем храмам на склонах горы Батукару. Мы совершали его небольшой группой из трех учителей йоги (я, Мадэ и его друг Нуту Двиджендра) и японкой (долгожительницей на Бали). Индуистская традиция набора святой воды из храмовых источников восходит тоже к Индии. Балийская же версия в том, что храмы на этой горе – это святые деревья, которым и поклоняются.

Наконец, почти никому не известная тихая гора Серайя (1 175 м) на восточном побережье острова важна расположенными на ней тремя храмами Лемпуанг – у подножия, на склоне и на вершине. Подъем на нее занимает всего 4 часа по хорошей дороге, и мы проделывали его дважды по отдельности с уже упомянутыми выше попутчиками. С горы открываются восхитительные виды на гору Агунг с одной стороны и на океанское побережье – с другой. А замшелый лес создает мистическую атмосферу.

Поскольку гора невысокая, храм на вершине довольно внушительный – и туда проще поднять все необходимое для проведения полной церемонии. Тем не менее, там почти никогда никого не бывает, и даже священника можно застать редко, а чаще приходится вызывать заранее. Впрочем, поскольку Мадэ сам священник, мы проводили все ритуалы самостоятельно. Медитативную тишину там нарушают лишь обезьяны полчища, жадные до фруктов в коробке с подношением. Зато в дождь их нет – и на это нам опять повезло...

Не ставя себе целью обойти все святые горы, реки и источники, ибо на Острове Богов все священно, мы ограничились пока тремя вершинами (про озера и источники – отдельно). Балийская земля священна, как в той притче про отшельника, который отдыхал в лесу, положив ноги на Лингам (священный символ бога Шивы). Когда некий паломник в ужасе попросил его убрать ноги с святого места, тот возразил: «Покажи мне место, где нет Бога, и я положу туда свои ноги». Он подвинул ноги в сторону, и под ними сразу вырос Лингам.

Тем не менее, на Бали все насквозь ритуализовано, и чистая адвайта (недвойственность) здесь не проходит. Как говорит Мадэ, для обращения к Богу в руках должен быть цветок!

Традиционное боевое искусство

Я периодически заглядываю в область боевых искусств, хотя меня мало интересует умение «набить морду». И если в отдельных азиатских странах оно часто востребовано, то жители Убуды на Бали очень вежливы, и единственное, что вам предлагают слишком настойчиво, так это такси. Впрочем, отнюдь не хватают за руки и не тащат в машину, так что ладно – достаточно «спасибо, не надо». Однако, как во многих восточных традициях, мепантиган имеет сферу пересечения с духовной и ритуальной практикой, а потому он не менее культурен, чем китайское тай-цзы, тайский бокс, вьетнамское там-куи и прочее.

В Убуде его проводят поздно вечером, причем на большом расстоянии от зрителей, чтобы никого ненароком не зашибить, не закидать грязью и не обжечь летящими во все стороны углями... Хотя роща и рисовое поле, которые служат сценой, уставлены свечками, зрителю почти ничего не видно, кроме мелькания теней, издающих дикие вопли... Единственное, что мне удалось отснять – так это вступительный танец (когда якобы сам основатель этой славной традиции в 14 веке придворный министр Кебо Ива вместе со своим войском совершает ритуальную молитву) и «битву огней».

Спрашивается, что культурного в этом мракобесии? Сами балийцы прослеживают истоки этого странного занятия аж до великого эпоса «Махабхарата». Согласно преданию, нечто подобное происходило между Бхимой и Джарасандхой, когда они «сгребая друг друга

по-всякому руками, пиная друг друга изо всех сил, чтобы отбить чувствительные нервы, ударяли друг друга в грудь кулаками. Голыми руками, будучи вооруженными лишь львиноподобным рыком, подобно громовым тучам, они хватали и били друг друга, словно два безумных слона, сцепившихся и наносящих удары своими хоботами».

Балийцы выбрали к тому же весьма странную арену – рисовое поле, покрытое слоем воды. Иными словами, все вышеописанное происходит по большей части как кувыркание в жидкой грязи. Но и для этого находится и практическое, и высокодуховное объяснение. Во-первых, балийские дети играют в войнушку на рисовых полях. Во-вторых, в этом действе участвует сама Деви Шри – богиня рисового поля, ответственная за мораль и сохранение благосостояния. В виде совсем юной девочки она там ловко швыряла через плечо здорового верзилу (олицетворявшего злые силы), ломая ему все кости.

Со-основатель мепантигана Путу Витсен Виджая описывал его в целом как спорт, представляющий собой сочетание танца с боевым искусством, особенно борьбой, где главными техниками служат сгребания и захваты. Кроме того, в ход идут подручные средства в виде кокосовых листьев, бамбуковых шестов, листьев душистого пандануса. Основной сюжет – это сражение войска балийского премьер-министра Кебо Ивы против войска Гаджи Мады – премьер-министра яванского царства Маджапахит. Итак, это благородная освободительная война, запечатленная в форме боевого искусства.

Безумные узники в балийском раю

В связи с тем, что духовная практика на Бали тесно связано с целительством, включая хронические ментальные расстройства, депрессию в особенности, я хотела бы затронуть мрачную тему суицидов на Бали, которую подняла в своей лекции профессор Сурьяни в Убуде (но традиционное целительство живо, что бы там профессора ни говорили)... Профессор Сурьяни – уже пожилая женщина, автор нескольких книг (о трансе и медитации) исследует «темную сторону балийского рая», особенно возрастание суицидов в обществе: по статистике с каждым годом увеличивается число суицидов (в текущем полугодии уже близко к 60-ти случаям), а также прочие радости туризма: проституцию, наркоманию, насилие над детьми... Соответственно, она помогает людям «выживать».

По ее заключению, основная причина увеличения суицидов – появление хронических психических расстройств, которыми ранее почти никто не страдал, а ныне депрессия – обычный симптом. Показала нам (народу было до сотни человек, причем русская речь тоже слышалась) свой фильм с балийскими ужасами бытия – нищими, калеками, сидящими на цепях буйными... Я ничего не снимала – получилось бы некачественно, да и было неудобно, ибо уже с третьей минуты соседка-балийка начала рыдать, и она не одна такая оказалась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.